ЖИЗНЬ КНЯЗЯ ГРИГОРІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОТЕМКИНА-*ТАВРИЧЕСКАГО,*

служащая

дополненіемъ

къ царствованію *Екатерины II.*

Взята изъ иностранныхъ и отечественныхъ источниковъ.

КНИГА II.

МОСКВА, 1808.

Въ типографіи Дубровина и Мерзлякова.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ИЗВѢСТІЕ

о новой книгѣ, продающейся съ книжной лавкѣ на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспаскаго Монастыря, у книгопродавца Филиппа Сверчкова.

Жизнь, анекдоты, военныя и политическія дѣянія Россійскаго Генералъ-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметева, Любимца ПЕТРА Великаго и храбраго Полководца, съ искусно гравированнымъ его портретомъ и съ описаніемъ всѣхъ важнѣйшихъ и любопытныхъ произшествій, случившихся какъ въ домашней, политической, такъ и въ военной его жизни до самой кончины, съ историческимъ извѣстіемъ о его походахъ, сраженіяхъ и побѣдахъ — Борисъ Петровичъ Шереметевъ принадлежитъ къ числу Великихъ Мужей и храбрыхъ Полководцевъ своего времени. — Любители Россійской Исторіи увидятъ книгу сію новымъ сочиненіемъ, никогда еще не напечатаннымъ съ точнымъ и вѣрнымъ изображеніемъ всѣхъ произшествій и поступ-

ковъ-Россійскаго Героя; увидятъ — и отдадутъ справедливость его талантамъ, твердости и мужеству, съ которыми онъ вознесъ свое отечество на верхъ славы, сражаясь со врагами его, подъ знаменами безсмертнаго ПЕТРА, и въ то же время содѣйствовалъ ПЕТРУ Великому въ преобразованіи войска и народа. ПЕТРЪ Великій всегда отдавалъ справедливость усердію его для пользы отечества, почтилъ память его своимъ присутствіемъ и къ вѣчной славѣ его, былъ его другомъ, и болѣе нежели другомъ. (Это точныя слова ПЕТРА Великаго, при полученіи извѣстія о кончинѣ Шереметева) — По истиннѣ можно сказать, что были они оба щастливы. ПЕТРЪ Великій имѣлъ такого Фельдмаршала, и Фельдмаршалъ имѣлъ такого МОНАРХА, который заслуги его признавалъ по достоинству... Спб. 1808 года, въ Медицинской Типографіи. Цѣна въ бум. 2 руб. 10 коп. въ переп. 250 коп.

Любители чтенія, имѣющіе жительство отъ Столицы во отдаленіи, благоволятъ адресоваться на имя книгопродавца Филиппа Сверчкова, отъ котораго книги не только сію, но и всякія другія объявленныя въ продажу и отъ другихъ книгопродавцевъ могутъ получить во всякой исправности и безъ замедленія.

Потемкинъ послалъ въ Петербургъ съ радостнымъ извѣстіемъ о завоеваніи Очакова Подполковника Боура, который въ 6 дней съ половиною проскакалъ болѣе тысячи осьми сотъ верстъ. Боуръ прибылъ въ столицу ввечеру очень поздно, и вручилъ свои депеши Г-ну Мамонову. Государыня уже почивала. Но вѣсть была весьма важна. Императрицѣ дали знать объ этомъ. *Екатерина* была въ восхищеніи, встала съ постели и написала на картахъ къ Великому Князю *Павлу Петровичу* и къ разнымъ Вельможамъ: *Очаковъ взятъ!*

Монархиня щедро наградила завоевателей. Подполковникъ Боуръ пожалованъ въ слѣдующій чинъ; получилъ тысячу червонныхъ и табакерку, осыпанную брилліантами. Онъ возвратился вскорѣ потомъ въ армію, и привезъ *Потемкину* давно ожиданный Орденъ Св. Георгія первой степени, также сто тысячь рублей и осыпанную брилліантами шпагу (цѣною въ шестьдесятъ тысячь) съ надписью: *За храбрость!* — Въ тоже время всѣ Генералы, бывшіе при взятіи Очакова, получили знаки отличія; Офицерамъ даны золотые кресты, а солдатамъ серебренныя медали. (*) —

(*) Въ честь Потемкину, Покорителю Очакова, выбиты медали. См. табл. III и IV.

Спустя нѣсколько дней *Свѣтлѣйшій* прислалъ къ Императрицѣ ключи отъ города Очакова и отъ крѣпости Березанской, также планъ атаки и подробное донесеніе о семъ происшествіи.

Извѣстіе о взятіи Очакова произвело въ Константинополѣ всеобщій ужасъ и опасное волненіе между народомъ. Генералъ Каменскій, бывшій подъ начальствомъ Румянцова, разбивъ непріятельскій корпусъ у Гангуры, еще болѣе умножилъ смятеніе между Оттоманами (*).

Императоръ *Іосифъ* принялъ живѣйшее участіе въ торжествѣ Русскаго оружія.

„Первая кампанія противъ Османовъ прошла, — говоритъ онъ

(*) См. примѣч. 34.

въ письмѣ къ одному Принцу — Очаковъ взятъ приступомъ. *Потемкинъ* славно увѣнчалъ конецъ нашихъ предпріятій.

Весною Русское войско будетъ занято взятіемъ Бендеръ, и постарается перейти чрезъ Дунай; съ другой стороны я завоюю Бѣлградъ и распространюсь по Сербіи. Занятіе Ниссы, Виддина, Сарайо, Совестромса, Барбира, Банѣялуки и Каштановича будутъ кончены къ Августу. Если Визирь выдетъ на встрѣчу мнѣ или Рускимъ; онъ долженъ дать сраженіе, и какъ скоро будетъ разбитъ; то я погоню его подъ самыя Силистрійскія пушки.

Въ Октябрѣ я назначу конгрессъ, послѣ того, какъ Османы попросятъ мира. Трактаты Карловичскій и Пассаровичскій

будутъ служить для моихъ Посланниковъ основаніемъ въ переговорахъ; сверхъ того я возьму себѣ Хотинъ и часть Молдавіи. Россія удержитъ полуостровъ Крымъ; Очаковъ будетъ срытъ, Шведскій Принцъ Карлъ будетъ Герцогомъ Курляндскимъ, а Великій Герцогъ Флорентинскій Римскимъ Королемъ. — Тогда будетъ общій миръ въ Европѣ!“

Такія ожиданія родила въ Императорѣ побѣда Князя *Потемкина!* Правда многія изъ нихъ остались *только* ожиданіями.

Между тѣмъ *Свѣтлѣйшій*, расположивъ свою армію на зимнія квартиры, хотѣлъ явиться въ столицѣ Побѣдителемъ. Получивъ отъ Императрицы позволеніе пріѣхать въ Петербургъ, онъ прибылъ туда въ

Февралѣ 1789. Тамъ сдѣланы были великія приготовленія для пріема Покорителя Очакова. Нѣсколько дней до его пріѣзда, освѣщаема была каждую ночь дорога, ведущая въ столицу, на разстояніи двадцати верстъ.

Потемкинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, остановился въ назначенномъ для него домѣ, который, помощію крытаго перехода соединенъ былъ съ Дворцомъ. Князь не успѣлъ переодѣться, чтобы идти къ Императрицѣ; какъ Великая Монархиня, любившая награждать заслуги своихъ подданныхъ, явилась къ Побѣдителю, оказать ему особенное свое благоволеніе. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, Императрица возвратилась въ галлерею зимняго Дворца, куда собранъ былъ весь Дворъ для бала, и гдѣ долго ожи-

дали Ея. Вошедъ въ залу съ веселымъ видомъ, *Екатерина* сказала нѣкоторымъ изъ окружавшихъ Ее, что пришла отъ Князя *Потемкина*, котораго посѣтила она вскорѣ послѣ его пріѣзда, желая доказать чрезъ то отличное свое уваженіе къ его достоинствамъ.

Вообще *Потемкинъ* принятъ былъ въ столицѣ со всѣми знаками Монаршей милости и почтенія соотечественниковъ. Многіе вельможи давали въ честь ему праздники, и старались на перерывъ превзойти другъ друга великолѣпіемъ и пышностію.

Наступила весна, и съ нею приближалось время открытія военныхъ дѣйствій; потому что Порта отвергала миръ, повинуясь внушенію Англіи и Пруссіи. *Потьмкину* должно было

возвратиться въ армію; но нѣкоторые виды удерживали его въ столицѣ. Онъ откладывалъ отъѣздъ свой со дня на день.— Между тѣмъ Турки начали кампанію въ Мартѣ 1789, и рѣшились дѣйствовать наступательно, предположивъ себѣ цѣлью отнять у Русскихъ Очаковъ. Но планы Музульмановъ были вездѣ уничтожаемы.

Непріятель собралъ главныя свои силы за Дунаемъ, по другую сторону крѣпости Браилова. Онъ былъ намѣренъ усилить войска свои, находившіяся на лѣвомъ берегѣ Дуная, ввести подкрѣпленіе въ Измаилъ, Акирманъ и Бендеры, ворваться въ Молдавію и вытѣснить Рускихъ изъ сего Княжества. На сей конецъ Верховный Визирь послалъ изъ за-Дуная силь-

ный отрядъ, который, утвердившись въ Максимени и Галацѣ, въ разныхъ отдѣленіяхъ приближался къ Рускимъ. Для опроверженія непріятельскихъ намѣреній, Румянцовъ отрядилъ Князя Шаховскаго, который между рѣками Бырлатомъ и Прутомъ долженъ былъ идти на встрѣчу Туркамъ. Въ тоже время корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Каменскаго, получилъ приказаніе вступить въ степи Бессарабскія и подвинуться впередъ, чтобы сравняться въ линію съ Княземъ Шаховскимъ. Корпусъ Графа Салтыкова долженъ былъ наполнить промежутокъ въ линіи. Въ концѣ Марта Казаки отъискали первый непріятельскій отрядъ при рѣкѣ Маломъ Ялпухѣ. Имъ велѣно было ложнымъ отступле-

ніемъ заманить непріятеля ближе къ корпусу Генерала Каменскаго. Турки преслѣдовали Казаковъ съ жаромъ; но, примѣтивъ разставленныя имъ сѣти, ударились назадъ, оставили Бессарабію, и перешедъ подъ городкомъ Фалчею черезъ Прутъ, направили путь свой къ Дунаю. Въ окрестностяхъ Бырлата, Полковникъ Римской-Корсаковъ (1 Априля) встрѣтилъ отступавшаго непріятеля. Сраженіе было для обѣихъ сторонъ нерѣшительно, и Турки черезъ пять дней потомъ осмѣлились снова напасть на Корсакова, который, будучи усиленъ пѣхотою и конницею, принялъ ихъ (6 Априля) такъ храбро, что они принуждены были отступать къ Максимени.

Вскорѣ послѣ сего Графъ Румянцовъ, предводительствовавшій Украинскою арміею, пошелъ въ отставку. Князь *Потемкинъ* сдѣлался главнымъ Начальникомъ надъ всѣми сухопутными и морскими войсками, назначенными дѣйствовать противъ Турціи. Генерал-Аншефу Князю Репнину поручена команда надъ арміею, до прибытія Фельдмаршала изъ столицы.

Около сего времени, Апрѣля 7, скончался Турецкій Султанъ Абдулъ-Гамидъ. Правленіе сего Государя было несчастливо для Турціи. Удрученный горестнымъ чувствованіемъ своихъ несчастій, онъ назвалъ себя въ послѣдніе дни жизни *Печальнымъ*. Послѣ Абдула-Гамида вступилъ на престолъ племянникъ его Селимъ III, — молодой,

прекрасный , предпріимчивый Государь, который при началѣ своего царствованія, не хотѣлъ заключить мира невыгоднаго, и рѣшился предводительствовать самъ своими войсками, чтобы смыть пятно безславія, которое Руские нанесли Турецкому имени. (*) —

Князь *Потемкинъ* послалъ дорогіе подарки первымъ Турецкимъ Министрамъ. Это былъ кинжалъ, цѣною въ десять тысячь, и три сабли, каждая въ двадцать тысячь рублей. *Свѣтлѣйшій* зналъ хорошо Турецкій Диванъ. Онъ умѣлъ склонить на свою сторону Султаншу Валиду, (которая по своему достоинству была первою особою при Константи-

(*) См. примѣч. 35.

нопольскомѣ Дворѣ) и стараго, сильнаго, скупаго Капитана Пашу, котораго происками въ послѣдствіи времени лишился головы Верховный Визирь, явный врагѣ Россіи.

Вѣ то время, какѣ *Потемкинѣ* занимался вѣ столицѣ разными политическими планами, Руское оружіе вѣнчалось побѣдами на берегахѣ Серета и Дуная и на волнахѣ Чернаго моря. Храбрый Генералѣ Дерфельденѣ, пользуясь бѣгствомѣ Турковѣ, пораженныхѣ Римскимѣ-Корсаковымѣ, двинулся вѣ слѣдѣ за ними, и догнавѣ ихѣ (16 *Априля*) у Максимени на рѣкѣ Серетѣ, отрѣзалѣ со всѣхѣ сторонѣ и разбилѣ на голову. Потомѣ сей отважный, предпріимчивый Генералѣ рѣшился итти прямо кѣ Галацу, гдѣ стояло сильное

непріятельское войско. Дерфельденъ, оставя небольшой отрядъ у Максимени, чтобы занять ложными движеніями Турковъ, сидѣвшихъ въ Браиловѣ и отвлечь ихъ вниманіе отъ Галаца — бросился стремительно къ сему городу, и своею холодною храбростію, своими умными, хитрыми маневрами выбилъ непріятелей (20 Априля) изъ двухъ сильныхъ укрѣпленій, взялъ великое ихъ множество въ плѣнъ, прочихъ принудилъ, кинувъ лагерь свой, переправиться за Дунай, и потомъ разорилъ и сжегъ Галацъ съ окрестными деревнями, чтобы такимъ образомъ отнять у Турковъ способъ укрѣпиться въ другой разъ въ томъ мѣстѣ. — Многочисленное непріятельское войско, приближавшееся со сто-

роны Браилова, принудило Дерфельдена удалиться на прежнее свое мѣсто, въ Бырлатъ.

Съ другой стороны крейсерскія суда, отправленныя изъ Севастопольской гавани Контр-Адмираломъ Графомъ Воиновичемъ, брали въ плѣнъ и жгли Турецкіе корабли, простирая поиски свои до Акирмана, до устьевъ Дуная и до береговъ Румелійскихъ.

Война съ Швеціею продолжалась на сухомъ пути и на морѣ. Пруссія, Англія и Голландія хотѣли начать переговоры между обѣими воюющими Державами; но *Екатерина* отвергла это посредничество — плодъ завистливой политики сихъ Государствъ. *Потемкинъ*, остававшійся все еще въ Петербургѣ, совѣтовалъ Государынѣ кон-

чить распри свои съ Густавомъ, или дѣйствовать противъ него съ большимъ усиліемъ, и стараться завоевать Шведскую Финляндію.

Послѣ долговременнаго отсутствія, *Свѣтлѣйшій* къ общему желанію, возвратился наконецъ въ армію, будучи осыпанъ почестями и подарками. Онъ получилъ отъ Государыни, между прочимъ, сто тысячь рублей и и пребогатый Фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный брилліантами и обвитый лавровыми вѣтьвями, сдѣланными изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Сверхъ того назначено ему было шесть милліоновъ для продолженія войны съ Турціею. Тамъ, гдѣ Ингулъ соединяетъ воды свои съ Бугомъ, скоро явился Николаевъ —

памятникЂ побѢды Князя *Потемкина.*

ПрибывЂ вЂ прежнюю свою Екатеринославскую армію, *Потемкинъ* повелЂ ее чрезЂ Очаковскія степи кЂ берегамЂ ДнѢстра, и самЂ разположился вЂ Дубоссарахъ, имѢя цѢлію завоеваніе БендерЂ. ПотомЂ осмотрѢлЂ онЂ кордонЂ, протянутый между ДнѢстромЂ и ПрутомЂ, сдѢлалЂ вЂ войскѢ разныя разпоряженія и перемѢны; отрядилЂ кЂ БендерамЂ нѢкоторое число КазаковЂ ДонскихЂ, ЧерноморскихЂ и БугскихЂ для озабоченія непріятеля, приказалЂ Князю Репнину разсѢять толпы непріятелей, скоплявшихся вЂ Молдавіи и Бессарабіи и призвалЂ изЂ Польши всѢ почти стоявшія тамЂ Руския войска, не смотря на то, что Поляки

6.

старались тогда возстановить свою независимость, думали о новой конституціи, сблизились съ Пруссіею, и дѣлали возможныя препятства планамъ Россіи.

Казалось, что Союзница Австрія и въ сію кампанію будетъ дѣйствовать только оборонительно. Слабое здоровье Императора Іосифа II. дѣлало сію догадку весьма вѣроятною. Горесть о худыхъ успѣхахъ всѣхъ предпріятій Вѣнскаго Кабинета сразила сего Государя. Въ теченіи этой войны Австрійская армія потеряла болѣе пятидесяти тысячь человѣкъ, и изъ одного Банната увели Турки въ плѣнъ болѣе сорока пяти тысячь человѣкъ, которые были проданы въ Турціи. Іосифъ писалъ къ Императрицѣ, что

онъ весьма много претерпѣлъ въ эту кампанію, и что впередъ не можетъ дѣйствовать иначе, какъ только вспомогательнымъ корпусомъ; но *Потемкинъ* доказалъ *Екатеринѣ*, что Императоръ и по неволѣ принужденъ будетъ подкрѣплять Россію всѣми силами; ибо въ противномъ случаѣ онъ подвергъ бы великой опасности собственныя свои границы. Притомъ же *Свѣтлѣйшій* не предполагалъ, чтобы *Іосифъ*, искавшій дружбы и помощи отъ *Екатерины*, могъ заключить особый (сепарратный) миръ съ Портою.

Между тѣмъ, какъ Австрійскій Фельдмаршалъ Графъ Гаддикъ покойно стоялъ съ главною арміею своею у Вейскирхена, и какъ Князь Линье въ такомъ же положеніи находился

съ корпусомъ своимъ у Землина, – Генералъ Іосифовъ, Принцъ Саксенъ-Кобургскій, вышедъ изъ Галиціи, двинулся къ Валлахіи и сталъ лагеремъ у мѣстечка Аджута, на рѣкѣ Тратушѣ (впадающей съ правой стороны въ Серетъ). Сильный Турецкій корпусъ, состоявшій болѣе нежели изъ тридцати тысячь человѣкъ, переправившись у Браилова черезъ Дунай, пошелъ прямо къ Фокшанамъ, и хотѣлъ напасть на Австрійцовъ. Генералъ Суворовъ, принявшій отъ Дерфельдена начальство надъ корпусомъ Руских войскъ, стоявшихъ у Бырлата, имѣлъ отъ Главнокомандующаго приказаніе подкрѣплять Принца Саксенъ-Кобургскаго. Суворовъ, получивъ отъ сего Генерала извѣстіе о приближеніи къ нему

непріятеля, поспѣшилъ къ нему на помощь, и сіи достойные военачальники, — которыхъ слава подружила заочно — разбили 21 Іюля Турецкій корпусъ при Фокшанахъ; положили великое число на мѣстѣ, а остальныхъ принудили стремительно бѣжать къ Браилову и Бухаресту. Признательный *Іосифъ* прислалъ Суворову богатую табакерку, просилъ сего Генерала въ своемъ рескриптѣ ,,засвидѣтельствовать отъ имени его благодарность главнокомандующему Фельдмаршалу Князю *Потемкину*-Таврическому, который поручилъ толь ревностному военачальнику соединеніе Рускихъ войскъ съ Австрійскими.“

Потемкинъ не выпускалъ изъ виду Бендеръ. Отважные Каза-

ки простирали поиски свои подъ самыя пушки сей крѣпости. Правда, превосходнѣйшая непріятельская сила принудила Полковника Исаева отступить; но съ другой стороны Полковники Платовъ и Саржинскій приближились къ самому предмѣстію города, лежащему на лѣвомъ берегѣ Днѣстра. Самъ Фельдмаршалъ явился съ Генералитетомъ своимъ осмотрѣть положеніе крѣпости. Турки, узнавъ о томъ, открыли съ батарей жестокой огонь по свитѣ Князя *Потемкина*; но ихъ выстрѣлы не имѣли желаннаго дѣйствія. Казаки Бугскіе съ великимъ стремленіемъ ворвались въ предмѣстіе, и подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ схватили нѣсколько Турковъ и Молдавцовъ, сожгли сѣно и скирды хлѣ-

ба, стоявшія на Днѣпрѣ. Послѣ сего Фельдмаршалъ возвратился въ свою квартиру, которая вскорѣ потомъ перенесена была изъ Дубоссаръ въ Кишеневъ. Войска, бывшія при семъ развѣдываніи, отступили на прежнія свои мѣста.

Турки хотѣли подать помощь утѣсненнымъ Бендерамъ, или сдѣлать диверсію въ пользу сей крѣпости, важной для Порты; но покушеніе Музульмановъ уничтожены были умною тактикою Князя Репнина и штыками Генерала Суворова. Въ началѣ Сентября Сераскиръ Гассан-Паша (бывшій прежде Капитан-Пашею и разбитый въ Лиманѣ (*) двинулся отъ Измаила къ сторонѣ Прута. *Потем-*

(*) См. Книг. I.

кинъ послалъ Князя Репнина ему на встрѣчу. Репнинъ, соединившись съ корпусомъ Генерал-Порутчика Кречетникова, пошелъ отъ Рябой Могилы противъ Гассана-Паши. Сентября 6 разположился онъ лагеремъ у рѣчки Ларги. Въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда находился непріятельскій станъ на возвышенномъ мѣстѣ между рѣчками Большою и Малою Сальчею. На другой день Князь Репнинъ хотѣлъ осмотрѣть положеніе непріятельскаго лагеря. Онъ поставилъ войско въ боевой порядокъ, и подался впередъ съ Казаками. Это послужило поводомъ къ настоящему сраженію, котораго слѣдствіе было весьма невыгодно для Турковъ, и въ которомъ Казаки и Кіевскій Карабинерный полкъ отличи-

лись преимущественно храбростію. — Ночью Князь Репнинъ сдѣлалъ расположеніе атаки для слѣдующаго дня, и 8 Сентября поутру выступилъ противъ непріятельскаго стана; но, приближившись къ нему, къ общему негодованію войскъ своихъ, нашелъ оный оставленнымъ. Гассан-Паша не счелъ за благо, подвергать себя снова опасному *опыту храбрости*. Не дожидаясь прихода страшнаго своего Соперника, Сераскиръ обратился въ бѣгство, желая укрыться отъ пораженія за валами Измаильскими. Русскіе пошли преслѣдовать бѣгущихъ; отняли у нихъ обозъ, взяли нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, и потомъ гнались за ними далѣе. Въ семъ походѣ полки Князя Репнина сдѣлали въ Бессарабіи не-

пріятный опытъ, доказавшій имъ, что Квартирмейстеры должны съ осторожностію употреблять Географическія карты. Весьма многія мѣста, означенныя на планахъ и ландкартахъ, сочиненныхъ во время послѣдней войны съ Турками (1769 — 177.) не существовали уже болѣе. Даже не льзя было найти слѣдовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Рука побѣдителей и побѣжденныхъ истребила множество селеній въ сихъ степяхъ. Это обстоятельство дѣлало нѣкоторыя затрудненія. Но Русскіе, преодолѣвая всѣ препятства, гнались за Сераскиромъ, который бѣжалъ отъ нихъ поспѣшно. Перешедъ у Табака черезъ рѣку Ялпуху, Гассанъ-Паша велѣлъ сжечь находившійся тамъ мостъ, и Руское войско при-

нуждено было наводить на сей рѣкѣ мостъ новый; потомъ переправилось чрезъ рѣку Каракуатъ и расположилось у бывшей деревни Бабиле, на берегѣ одного озера. Тутъ представилась Русскимъ ратникамъ прекрасная, величественная картина. Берега Дуная открылись ихъ взорамъ; Измаилъ, Исакчи, Тульча и другія мѣста лежали передъ *ними*; — далѣе за Дунаемъ возвышались громады горъ, которыя закрывали Булгарію отъ жадныхъ взглядовъ Сѣверныхъ Героевъ. Сильно билось сердце храбрыхъ Русскихъ воиновъ при видѣ сего зрѣлища, которое обѣщало новую пищу ихъ честолюбію, и приводило имъ на память незабвенный переходъ черезъ Дунай, блистательные подвиги Вейсмана и Ру-

мянцова, торжество Рускаго оружія и ужасъ, распространившійся между Оттоманами.

Съ рѣшимостію подступило Руское войско (12 Сентября) къ Измаилу, въ твердой надеждѣ на щастіе *Екатеринино*, на опытность Князя Репнина. Сей Военачальникъ загналъ устрашеннаго Гассана-Пашу въ Измаилъ и заперъ его со всѣхъ сторонъ. Уже сдѣланы были всѣ распоряженія къ осадѣ города; уже пламень и смерть лились съ Рускихъ батарей на укрѣпленія Измаила; уже Турки готовились пробиться изъ крѣпости къ галерамъ, стоявшимъ на Дунаѣ, чтобы искать спасенія въ бѣгствѣ; — какъ щастіе проглянуло изъ грозныхъ тучь на Музульмановъ и пощадило Измаилъ на нѣсколько времени.

Сіе завистливое щастіе вырвало прекраснѣйшій лавровый вѣнокъ изъ рукъ Князя Репнина. Во время самыхъ приготовленій къ нападенію на городъ, Репнинъ получилъ отъ Князя *Потемкина* повелѣніе отступить. Фельдмаршалъ находилъ сію мѣру необходимою по нѣкоторымъ причинамъ. Съ распущенными знаменами, при звукѣ музыки поворотили полки Руские къ Пруту. Негодованіе изображалось на всѣхъ лицахъ. „Гранадеръ шелъ тихими шагами, озираясь и скрежеща зубами —" писалъ къ своему пріятелю одинъ Офицеръ, бывшій при семъ случаѣ — „Карабинеръ опустилъ повода у лошади; и Офицеръ, погруженный въ глубокую задумчивость, безмолвствуя шелъ подлѣ своего взвода."

Около сего времени Верховный Визирь перешелъ чрезъ Дунай съ многочисленнымъ войскомъ, простиравшимся до девяноста тысячь. Онъ обратился прямо на Принца Саксен-Кобургскаго, желая, поразивъ его пробраться къ Яссамъ. Принцъ далъ о семъ знать Суворову. Сей Генералъ, стоявшій въ Бырлатѣ на прежнемъ своемъ мѣстѣ, имѣлъ отъ Князя *Потемкина* строжайшее предписаніе, дѣйствовать соединенно съ Австрійскимъ корпусомъ. Суворовъ сдѣлалъ быстрый переходъ, соединился съ Іосифовымъ Военачальникомъ. Не дожидаясь прибытія Визиря, сіи Герои съ чрезвычайнымъ мужествомъ напали на Турковъ 11 Сентября, на берегѣ рѣчки Рымника не далеко отъ бывшей деревни Мар-

жинешипи. Ничто не могло равняться съ паническимъ страхомъ Турковъ и съ храбростію союзниковъ, которые повсюду опрокидывали своихъ враговъ. Больной Визирь (*) употребилъ возможныя усилія, чтобы удержать на мѣстѣ свои войска; онъ заклиналъ ихъ именемъ алкорана (который, держа въ рукахъ, поднималъ вверхъ) драться неустрашимо противъ невѣрныхъ, Русскихъ и Австрійцовъ; даже велѣлъ обратить пушки свои противъ бѣжавшихъ. Тщетно!... Правовѣрные въ ужасѣ не обращали вниманія ни на книгу Великаго Пророка, ни на свистящія ядра, и стремглавъ бѣжали съ поля сраженія, чтобы скрыться отъ ярости Рускихъ.

(*) Онъ страдалъ чахоткою.

штыковъ и отъ сабель Венгерской конницы. Самъ Визирь увлеченъ былъ симъ стремительнымъ потокомъ, и ушелъ съ остатками разбитой арміи въ Браиловъ, а потомъ въ Шумлю. Три богатые непріятельскіе лагеря, многочисленная артиллерія, великое количество военныхъ и съѣстныхъ припасовъ и наконецъ слава побѣды служили наградою храбрости союзныхъ войскъ. — Послѣ сего Суворовъ возвратился въ Бырлатъ, а Принцъ Кобургскій торжественно вступилъ въ Бухарештъ (*).

Сіе достопамятное происшествіе совершено съ такою скоростію, которая всѣхъ изумила. Ввечеру 11 Сентября, по раз-

---

(*) См. примѣч. 36.

битіи уже непріятеля, прискалЪ кЪ Принцу СаксенЪ-Кобургскому курьерЪ отЪ Князя *Потемкина,* который между прочимЪ дЂлалЪ Принцу горькій выговорЪ за то, что понтонные мосты были у него не готовы. ПринцЪ Кобургскій принялЪ это сЪ великимЪ огорченіемЪ. Будучи ИмперскимЪ КняземЪ, служа подЪ знаменами Римскаго Императора, онЪ не хотЂлЪ и не долженЪ былЪ повиноваться Русскому Фельдмаршалу.

Пораженіе непріятеля при РымникЂ имЂло весьма важныя слЂдствія. Оно поселило страхЪ вЪ ТуркахЪ. Сентября 27 БЂлградЪ сдался на договорЪ Австрійскому Фельдмаршалу Лаудону. УжасЪ распространился по ДнЂстру. Бендеры трепетали. — Страшная гроза носи-

лась надъ симъ городомъ. *Потемкинъ* готовилъ для него перуны губительные. Сентября 13 Генерал - Порутчикъ Принцъ Ангальт - Бернбургскій, начальствовавшій передовымъ войскомъ арміи Князя *Потемкина*, разбилъ Трех-Бунчужнаго Пашу Зайналы-Гассана (Беглербега Натольскаго), стоявшаго съ корпусомъ у Каушанъ, не далеко отъ Бендеръ. Весь лагерь вмѣстѣ съ Пашею достался въ руки побѣдителямъ. Фельдмаршалъ перенесъ квартиру свою въ Каушаны.

Между тѣмъ Генерал-Порутчикъ Гудовичь, по приказанію *Потемкина*, двинулся изъ подъ Очакова къ замку Хаджибею, передъ которымъ находился флотъ непріятельской въ заливѣ. Гудовичь, приближившись

(12 Сентября) къ сей крѣпости, поручилъ завоеваніе оной Генерал-Майору Рибасу, — а самъ, оставшись въ нѣкоторомъ разстояніи, хотѣлъ подкрѣплять его предпріятіе. Рибасъ исполнилъ препорученіе съ великимъ искусствомъ и неустрашимостію. Поставленная на берегѣ баттарея принудила замолчать артиллерію Турецкаго флота — и Хаджибей 14 Сентября взятъ приступомъ (*).

Въ это время Руская армія раздѣлена была на три части. Первая составляла главный корпусъ, которымъ самъ Фельдмаршалъ дѣйствовалъ противъ Бендеръ и Акирмана. Вторая часть состояла изъ войскъ, бывшихъ подъ предводительствомъ

(*) См. примѣч. 37.

Графа Суворова-*Рымникскаго*, находившагося у Бырлата. Третья оставалась на лѣвой сторонѣ Прута не далеко отъ Фальчи, для прикрытія сообщеній между главнымъ корпусомъ и полками Суворова и вмѣстѣ для того, чтобы наблюдать непріятельскія движенія въ Бессарабіи.

Пораженія и потери, претерпѣнныя Портою, не могли унизить духа въ юномъ Селимѣ. Онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ, и рѣшился продолжать войну съ усиліемъ, подъ собственнымъ предводительствомъ. Селимъ умножилъ свою армію, отставилъ многихъ чиновниковъ, обличенныхъ въ измѣнѣ; нѣкоторыхъ изъ нихъ отправилъ въ ссылку, избралъ нѣсколько новыхъ Пашей. Въ

Диванѣ описалѣ онѣ живо нещастія, претерпѣнныя вѣ сію войну Оттоманскою Имперіею; жаловался на Министровѣ и Пашей, которые управляли политическими дѣлами, или начальствовали надѣ войскомѣ; отдалѣ на монетный дворѣ всѣ свои приборы, серебряные и золотые, чтобы чрезѣ то помочь казнѣ Государственной, и побудить своихѣ Вельможѣ и богачей кѣ благороднымѣ пожертвованіямѣ для общей пользы. „Пора пробудиться отѣ пагубнаго сна, вѣ которомѣ доселѣ погружены мы были" — говорилѣ Султанѣ вѣ одномѣ обѣявленіи, обнародованномѣ во всей Турціи — „пора думать о средствахѣ, какѣ отмстить врагамѣ закона. Мое желаніе вложить мечь вѣ ножны не прежде, какѣ

получивъ достаточное удовлетвореніе. .... Будьте бодры и дѣятельны.... какое постыдное пятно для нашего закона и государства — допустить себя до такого униженія отъ невѣрныхъ! .... Милость Всемогущаго и Его благословеніе да будетъ съ нами!!" — Селимъ III. выпустилъ Булгакова изъ Семи-башеннаго замка, — объявивъ, что сдѣлалъ сіе не изъ снисхожденія къ Россіи, не по желанію получить миръ отъ сей Державы, но единственно, подражая примѣру прочихъ Европейскихъ Государствъ, и храня святость правъ народныхъ.

Потемкинъ послалъ изъ Каушанъ Бригадира - Атамана Платова съ Казаками для занятія замка Паланки. Храбрый Казакъ пошелъ быстро къ сему мѣсту,

Турки, видя приближеніе Русскихъ, бросили замокъ и обратились въ бѣгство, – оставивъ въ добычу своимъ непріятелямъ артиллерію, множество припасовъ и Агу, своего Начальника.

Послѣ сего Главнокомандующій велѣлъ Платову идти къ Акирману или Бѣлгороду, куда и самъ слѣдовалъ за нимъ съ егерями и конницею. — Платовъ, подступивъ подъ Акирманъ, требовалъ у тамошняго Начальника сдачи крѣпости, для избѣжанія кровопролитія и увѣрялъ его именемъ Фельдмаршала, что въ такомъ случаѣ весь гарнизонъ получитъ свободный выходъ. Паша просилъ срока до утра. На другой день рано отправилъ онъ одного Турка въ Паланку къ Князю *Потемкину*. *Свѣтлѣйшій* подтвердилъ обѣщаніе,

данное Туркамъ отъ Платова. Но едва сей послѣдній показался для принятія города во власть — Турки открыли по немъ сильный огонь съ укрѣпленій своихъ и съ судовъ военныхъ. Фельдмаршалъ въ негодованіи подвинулъ сухопутныя войска свои къ крѣпости и въ тоже время велѣлъ приближиться къ ней судамъ Черноморскихъ Казаковъ и флотиліи, находившейся у Хаджибея. Устрашенные Турки прислали къ нему двоихъ чиновниковъ, извиняясь, что худо поняли содержаніе письма, присланнаго къ нимъ отъ Платова и желали знать волю Главнокомандующаго. *Потемкинъ* повторилъ имъ прежнее требованіе, чтобы они сдали крѣпость добровольно, и удалились изъ оной, куда за благо разсу-

дятѣ; вѣ противномѣ случаѣ грозилѣ имѣ приступомѣ. На другой день явились кѣ нему Турецкіе депутаты, состоявшіе изѣ первыхѣ особѣ вѣ городѣ. Отдаваясь вѣ полную волю Побѣдителя, они просили у него помилованія. *Потемкинѣ* отвѣчалѣ, что „правило его Государыни — щадить покоряющихся, и что онѣ позволяетѣ Пашѣ и всѣмѣ жителямѣ выйти изѣ города со всѣмѣ имуществомѣ.“ Турки воспользовались симѣ позволеніемѣ, и 30 Сентября Русскіе приняли ключи отѣ крѣпости, вѣ которую вошелѣ и самѣ Главно - начальствующій. Онѣ отправилѣ вѣ Бендеры двадцать пять человѣкѣ Бендерскихѣ жителей, взятыхѣ вѣ Акирманѣ, и совѣтовалѣ имѣ внушить своимѣ согражданамѣ, что Русскіе

обходятся съ покоряющимися кротко, и что отъ Бендерцовъ зависитъ, воспользоваться человѣколюбіемъ Императрицы, или сдѣлаться добычею ярости Русскихъ солдатъ и погребстись подъ развалинами своихъ жилищь и укрѣпленій, подобно упорнымъ жителямъ Очакова.

Вскорѣ послѣ сего *Потемкинъ* и самъ поворотилъ къ Бендерамъ. Сія крѣпость давно уже заперта была со всѣхъ сторонъ. Теперь Фельдмаршалъ стѣснилъ оную еще болѣе и совершенно отрѣзалъ ей сообщеніе съ единоземцами. Непріятельскіе курьеры, ѣхавшіе въ сей городъ, были схвачены. *Потемкинъ*, отобравъ у нихъ бумаги, отослалъ оныя къ Пашамъ, сидѣвшимъ въ осадѣ. Безпрестанно ширѣ растягивалъ онъ

войска свои вокругъ Бендеръ, даже и на противоположенномъ берегѣ, — чтобы чрезъ то придать силамъ своимъ видъ, болѣе грозный и болѣе устрашить осажденныхъ. Пятьдесятъ судовъ, принадлежавшихъ Черноморскимъ Казакамъ, проведены вверьхъ по Днѣстру подъ самую крѣпость. Сія неожиданная мѣра имѣла надъ непріятелемъ желанное дѣйствіе.

Съ береговъ Быка и Ботны (*) войска подвинулись къ городу и расположились въ виду его, разстояніемъ на большой пушечной выстрѣлъ. Въ тоже время Генералъ-Поручикъ Самойловъ занялъ Казаками одно

(*) Обѣ сіи рѣчки впадаютъ съ правой стороны въ Днѣстръ: первая выше, а вторая ниже Бендеръ.

предмѣстіе. Турецкія ядра летали во всѣ стороны, но безъ всякаго почти успѣха.

Въ первыхъ числахъ Ноября послалъ *Потемкинъ* къ осажденнымъ Пашамъ письмо, въ которомъ совѣтовалъ имъ сдать крѣпость безъ кровопролитія; обнадеживалъ, что въ такомъ случаѣ гарнизонъ и всѣ жители отправлены будутъ за Дунай со всѣмъ имѣніемъ, и что, оказавъ упорство, они не могутъ ожидать пощады. Отвѣтъ былъ нерѣшителенъ. Фельдмаршалъ возвратилъ оный назадъ, сказавъ, что *не пришелъ туда торговаться*, и что городъ долженъ готовиться выдержать нападеніе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ велѣлъ произвести огонь изъ всей артиллеріи; что служило предвѣсті-

емъ близкой атаки. Громъ Русскихъ пушекъ, грозныхъ для Турковъ, потрясъ сердца войскъ, бывшихъ въ Бендерахъ. Они снова прислали къ *Свѣтлѣйшему* письмо, желая вступить въ соглашенія о сдачѣ крѣпости. *Потемкинъ* поручилъ Князю Долгорукому начать переговоры съ Турецкими депутатами. Они требовали, чтобы для выѣзда имъ дано было двадцать дней, и чтобы прежде прошествія сего времени, Русскіе не входили въ городъ. Сіи условія были отвергнуты. Снова данъ приказъ готовиться къ атакѣ. Егерьскіе корпусы, конная бригада Генерал-Майора, Принца Виртембергскаго и легкія войска двинулись къ крѣпости. Турки присланные для переговоровъ, поскакали назадъ, прося

подождать отвѣта. Паши, войско и всѣ жители Бендерскіе знали упрямое постоянство Князя *Потемкина,* его рѣшительность въ исполненіи предположенныхъ плановъ и силу мстящей руки сего Вождя — знали, и боялись испытать участь нещастныхъ своихъ братьевъ, погибшихъ въ Очаковѣ.

Въ часъ по полуночи Ноября 3 явился къ Фельдмаршалу одинъ Турецкій чиновникъ съ извѣстіемъ, что Бендеры отдаются совершенно въ его волю. — Поутру поднесены *Потемкину* городскіе ключи. Русскія войска немедленно заняли городъ.

Такимъ образомъ сія важная крѣпость досталась Россіи безъ потери людей и прежде нежели начата была дѣйствительная осада. *Потемкинъ* пріобрѣлъ се-

бъ лавръ, не обагренный кровью. Превративъ главную мечеть города въ Христіянскую церковь, Побѣдитель принесъ тамъ благодареніе Богу мира (*).

Добыча, полученная въ Бендерахъ была весьма велика Русскіе нашли здѣсь триста пушекъ, двадцать пять мортиръ, нѣсколько тысячь пудъ пороха, множество бомбъ, ядеръ, гранатъ, ружей, сабель и разныхъ припасовъ и снарядовъ, а въ магазинахъ двадцать двѣ тысячи пудъ сухарей и двадцать четыре тысячи четвертей муки.

Большая часть Турецкаго войска, находившагося въ Бендерахъ, равно какъ и жителей сего города, получивъ прикрытіе,

---

(*) См. примѣч. 38.

отправились въ Браиловъ. Азіатскіе уроженцы, получили позволеніе, прежде выхода изъ Бендеръ, продать тамъ свое имѣніе. Европейскіе жители остались на мѣстѣ. Главный Паша счелъ за лучшее, избрать своимъ пребываніемъ Россію.

Фельдмаршалъ остался самъ въ Бендерахъ въ бывшемъ домѣ главнаго Паши. Онъ послалъ къ Императрицѣ съ извѣстіемъ о взятіи города, Валеріана Зубова, а вскорѣ потомъ Адьютанта своего Генерала-Майора Попова съ ключами отъ Бендеръ. Государыня наградила Попова Орденомъ Св. Анны и шестью тысячами рублей; *Свѣтлѣйшему* послала Она въ подарокъ сто тысячь золотомъ и лавровый вѣнокъ, осыпанный изумрудами и брилліан-

тами, цѣною въ полтораста тысячь рублей. *Екатерина* препроводила къ *Потемкину* также три золотыя медали, выбитыя въ честь его (*).

Взятіе Бендеръ довершило завоеваніе Молдавіи и большой части Бессарабіи. Отряды Русскихъ войскъ свободно ходили вдоль по Пруту до Дуная, и съ другой стороны отъ Акирмана по берегу Чернаго Моря и по Дунаю до Киліи и Измаила. Нигдѣ не встрѣчалось имъ препятствъ. Турки вездѣ бѣжали съ открытыхъ полей, укрывались за окопами, за стѣнами крѣпостей своихъ. Но ужасъ и туда слѣдовалъ за ними. Музульманы знали, изъ собственныхъ гибельныхъ опытовъ, что

(*) См. примѣч. 39.

не было еще укрѣпленій, неприступныхъ для Русскихъ воиновъ. Бендерскій гарнизонъ, прибывъ въ Браиловъ, привелъ начальствовавшаго тамъ Пашу въ такой страхъ, что сей разсчетистый Турокъ оставилъ городъ съ однимъ служителемъ, пробился съ помощію пистолетныхъ выстрѣловъ сквозь свои форпосты, переплылъ рѣку Серетъ и прибылъ въ Яссы. ,,По крайней мѣрѣ — говорилъ Паша, получивъ увѣреніе въ покровительствѣ со стороны Россіи — ,,по крайней мѣрѣ, я останусь теперь съ головою. Въ противномъ случаѣ, безъ сомнѣнія лишился бы ее въ слѣдующую весну... Если бы я захотѣлъ защищать Браиловъ упорно, — моя голова досталась бы Русскимъ гранадерамъ: а естьли бы, не до-

жидаясь конца осады, перешелъ черезъ *Дунай*; то эту самую голову послалибъ въ Константинополь."

Князь *Потемкинъ*, расположивъ войска свои на зимнія квартиры, и оставя въ Бендерахъ гарнизонъ, отправился въ *Яссы*. Съ поля сраженій перешелъ онъ на поприще *Дипломатики*. Скоро открылись сношенія между Россіею и Турціею. Славный Гассан-Паша, бывшій сперва Капитан-Пашею или великимъ Адмираломъ, а потомъ Сераскиромъ въ Измаилѣ, сдѣланъ Верховнымъ Визиремъ на мѣсто несчастливаго Юсуфа, пораженнаго на Рымникѣ. Гассанъ-Паша по крайней мѣрѣ бѣгалъ отъ Русскихъ съ большею расторопностію, нежели его предшественникъ; далъ побить толь-

ко передовые свои войска при Сильчѣ (7 Сентября 1789) и искусно отсидѣлся въ Измаилѣ отъ гибели, которою грозилъ ему Князь Репнинъ. Новый Визирь желалъ мира. Онъ доказывалъ Дивану, что Порта не можетъ ожидать для себя никакихъ успѣховъ отъ войны съ Императрицею и отправилъ отъ себя одного Эффенди къ Князю *Потемкину* въ Яссы для начатія переговоровъ. Пруссія, Англія и Голландія снова предложили *Екатеринѣ* свои услуги, обѣщая помирить Ее съ Селимомъ и Густавомъ. Императрица, въ полномъ увѣреніи на свое могущество, и въ этотъ разъ отвергла сіи предложенія. Она хотѣла заключить миръ съ своими непріятелями безъ всякаго посредничества. Императоръ

Іосифъ былъ тогоже мнѣнія. 179
Потемкинъ, именемъ своей Госу-
дарыни, объявилъ Туркамъ, что
Россія можетъ примириться съ
Портою, только на такихъ
условіяхъ, чтобы сія послѣдняя
призналась въ несправедливомъ
нападеніи на Россію; чтобы воз-
обновила всѣ договоры, заклю-
ченные съ Россіею послѣ Кай-
нарджскаго мира; чтобы усту-
пила Россіи всѣ ея завоеванія
до рѣки Днѣстра, включая и
городъ Акирманъ, и чтобы при-
знала Днѣстръ границею меж-
ду обѣими Имперіями: наконецъ,
чтобы согласилась на планъ *Ека-
терины II.* которая желала, да-
бы земли, лежащія между Днѣ-
стромъ, берегами Чернаго моря,
Дунаемъ и Ольтою и извѣстныя
подъ именемъ Бессарабіи, Мол-
давіи и Валахіи, — дабы земли сіи

составляли вольное, независимое Государство, и были управляемы Княземъ Греческаго исповѣданія, которой бы никогда не соединялся ни съ какою другою Державою, служилъ преградою между своими сосѣдами, и удалялъ отъ нихъ всякій поводъ къ несогласіямъ и распрямъ, часто происходящимъ отъ непосредственнаго сосѣдства. — Кто знакомъ съ политическими отношеніями тогдашняго времени; тотъ легко догадается, кому назначаема была корона сего предполагаемаго Княжества.

Такія условія показались для Порты весьма тягостными. Селимъ хотѣлъ продолжать войну, и приказалъ отозвать изъ Яссъ посланнаго туда Эффенди. Всѣ представленія Верхов-

наго Визиря были недѣйствительны. Противная сторона перевѣсила въ Диванѣ его мнѣніе. Начались приготовленія къ новой кампаніи; армія усилена, исправленъ флотъ. Султанъ открылъ множество новыхъ измѣнъ и предательствъ. Чтобы очистить войско и Диванъ отъ злыхъ гражданъ, онъ велѣлъ наказать многихъ Чиновниковъ ссылкою и смертію. Нѣсколько головъ было выставлено на стѣнахъ Серальскихъ съ надписью на каждой: *измѣнникъ Государства!* — въ семъ числѣ были головы Коменданта Акирманскаго и одного изъ Пашей, сдавшихъ Бендеры. —

Порта прибѣгла въ семъ положеніи къ союзницѣ своей Пруссіи, которая хотѣла играть въ системѣ Европейскихъ

Кабинетовъ туже ролю, какою отличалась при Фридрихѣ Великомъ. Берлинскій Дворъ давно поставилъ себѣ за правило, мѣшать тѣснѣйшимъ связямъ и видамъ обоихъ Дворовъ Императорскихъ, Петербургскаго и Вѣнскаго. Прусскій Король желалъ употребить свою силу, чтобы склонить Императрицу и Іосифа къ скорому заключенію съ Турціею мира, выгоднаго для сей послѣдней Державы. *Екатерина*, имѣя на своей сторонѣ всѣ выгоды, объявила Прусскому Двору, что непремѣнно хочетъ имѣть рѣку Днѣстръ границею своей Имперіи, и что сіе пріобрѣтеніе почитаетъ самымъ умѣреннымъ вознагражденіемъ для Россіи за тѣ издержки, которыхъ стоила ей война, несправедливо начатая Пор-

тою; и которыя, не считая потери многихъ тысячь людей, простирались и тогда уже до шестидесяти милліоновъ рублей. Впрочемъ Государыня позволяла Римскому Императору мириться съ Турками, какъ онъ за лучшее разсудитъ. Неблагоразумно было бы ожидать, чтобъ Іосифъ согласился, въ угодность Прусскому Двору, заключить съ Турціею миръ безславной. Распри между Австріею и Пруссіею становились часъ отъ часу сильнѣе; даже начинались съ обѣихъ сторонъ нѣкоторыя непріятельскія движенія, — какъ смерть достойнаго, но нещастнаго Императора Іосифа II. († $\frac{9}{20}$ Февр. 1790) перемѣнила ходъ политическихъ отношеній. Берлинскій Кабинетъ сдѣлался свободнѣе и

дѣятельнѣе прежняго. Селимъ III. хотѣлъ вынудить миръ у своихъ непріятелей, по крайней мѣрѣ у Австрійцовъ. Извѣстіе о семъ твердомъ намѣреніи Султановомъ сразило престарѣлаго Гассана-Пашу, который находился тогда въ Шумлѣ. Гассанъ впалъ въ глубокое уныніе, которое ускорило кончину его († $\frac{13}{24}$ Марта, 1790). Увѣряютъ, что онъ прекратилъ дни свои ядомъ. Если это справедливо; то надобно думать, что Визирь увѣрительно обѣщалъ непріятельскимъ Державамъ то, чего исполнить не былъ въ состояніи, и что онъ поступками своими при переговорахъ, происходившихъ въ Яссахъ, подвергалъ опасности жизнь свою. — Новый Верховный Визирь былъ непримиримый врагъ Россіи, и

при всякомъ случаѣ обнаруживалъ свою ненависть къ сей Державѣ. Многочисленная Турецкая армія, подъ начальствомъ его, подвигалась къ Дунаю. Валахскому Господарю Мавроэни порученъ сильный корпусъ. Капитан-Паша долженъ былъ выступить въ Черное море; толпамъ хищниковъ Закубанскихъ велѣно безпокоить съ той стороны Русскіе предѣлы; въ Швеціи надѣялась Порта имѣть также вѣрную подпору.

Кроткій преемникъ Іосифовъ, Леопольдъ II. былъ въ нерѣшительности въ разсужденіи войны съ Турціею. Не смотря на то, Генералы Австрійскіе снова начали военныя дѣйствія въ Сербіи и Валахіи, взяли Орсову, угрожали нападеніемъ Виддину и Браилову.

Русская армія оставалась въ грозномъ бездѣйствіи, будучи готова по первому знаку выступить въ походъ. Князь *Потемкинъ* жилъ въ *Яссахъ*, сплеталъ новыя сѣти, готовилъ новые удары для Турковъ. Въ первый день новаго (1790) года, Военная Коллегія, по приказанію его, представила Императрицѣ списокъ сухопутныхъ военныхъ силъ Россіи, которыхъ число означено было до 521,717 человѣкъ. Въ концѣ Генваря (21) *Екатерина*, въ знакъ Своей признательности къ заслугамъ *Потемкина*, оказаннымъ въ войнѣ съ Турціею, пожаловала его Великимъ Гетманомъ Казаковъ Екатеринославскаго Намѣстничества и странъ Черноморскихъ.

Екатерина хотѣла доставить Россіи миръ съ Швеціею

и Портою, — миръ, достойный великаго Ея духа и славы Ея Имперіи. Отъ Чернаго моря до Балтійскаго видны были страшныя движенія. Изъ Турецкой арміи переведено нѣсколько полковъ въ Финляндію; волны Финскаго залива покрыты флотами. Одинъ корпусъ войска расположился въ Лифляндіи, другой двинулся въ Бѣлоруссію, чтобы сдѣлать ничтожными всѣ угрозы Фридриха Вильгельма II. — *Потемкинъ* велѣлъ зимою строить корабли на верфтяхъ въ Херсонѣ, Севастополѣ и Очаковѣ. Работа производилась съ великою ревностію; при началѣ весны четыре линейные корабля и пять фрегатовъ готовы были къ спуску на воду.

Отъ времени до времени возобновлялись переговоры съ Тур-

ціею въ Яссахъ. *Потемкинъ* настоялъ въ своихъ требованіяхъ; Диванъ почиталъ оныя для себя унизительными. Чтобы придать болѣе вѣса мирнымъ своимъ предложеніямъ, *Свѣтлѣйшій* выслалъ въ море эскадру противъ береговъ Натольскихъ. Контр-Адмиралъ Ушаковъ, къ которому Фельдмаршалъ имѣлъ полную довѣренность, пустился въ половинѣ Маія изъ Севастополя въ открытое море съ нѣсколькими кораблями, фрегатами и крейсерскими судами; подходилъ подъ самыя пушки Синапскія и Самсонскія; перехватывалъ, жегъ и затоплялъ непріятельскія суда, попадавшіяся ему на встрѣчу; снималъ планы съ непріятельскихъ крѣпостей; брандскугелями своими привелъ въ трепетъ Анапу, и

5 Іюня возвратился въ Севастополь.

Въ началѣ Іюля, Турецкій флотъ, подъ предводительствомъ Капитана-Паши явился у береговъ Таврическихъ, желая высадить туда свое войско. *Потемкинъ* предвидѣлъ это, и разослалъ повсюду нужныя приказанія. Ушаковъ пошелъ на встрѣчу непріятелю въ проливъ Яникольскій. Іюля 8, увидѣлъ онъ Турецкій флотъ, который на всѣхъ парусахъ шелъ противъ него. Тутъ началось жестокое сраженіе. Русскій Адмиралъ поступалъ такъ разторопно, дѣлалъ такіе искусные повороты, что Капитан-Паша, приведенный въ великое замѣшательство, долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Легкость непріятельскихъ судовъ и наступившая

темнота ночи спасла ихъ отъ совершеннаго пораженія.

Между тѣмъ съ другой стороны прояснилось для Порты политическое небо. Угрозы Прусскаго Короля и внутреннія безпокойства, происходившія въ Австрійскихъ земляхъ, расположили человѣколюбиваго Императора Леопольда II. къ миру съ Турками. $\frac{16}{27}$ Іюля (1790 года) Министры Австрійскіе послѣ долгихъ, запутанныхъ переговоровъ, подписали въ Рейхенбахѣ (въ Силезіи) объясненіе, или договоръ, по которому Леопольдъ согласился на перемиріе съ Турціею; обѣщалъ приступить и къ дѣйствительному миру при посредничествѣ Пруссіи, Англіи и Голландіи, принявъ за основаніе возвращеніе Портѣ всѣхъ своихъ завоеваній и вообще со-

стояніе взаимныхъ владѣній, въ какомъ находились оныя до начатія войны (statum, quo). Императоръ обязался также не поддерживать Союзницы своей Россіи, если она захочетъ продолжать войну съ Турками. Впрочемъ до заключенія мира между Русскимъ Дворомъ и Портою Оттоманскою, Австрія удерживала за собою въ неутральномъ владѣніи Хотинъ, покоренный соединеннымъ оружіемъ обоихъ Дворовъ Императорскихъ.

Сей договоръ произвелъ негодованіе между Австрійскими подданными, — какъ ни щедро впрочемъ Нѣмецкіе Журналисты превозносили миролюбіе и благость своего Тита-Леопольда, щадившаго драгоцѣнную кровь Германскую, — какъ ни старались они доказывать, что под-

писаніе Рейхенбахенскаго договора заключало въ себѣ величайшую проницательность политическую и мудрость все-объемлющую; что миръ вообще лучше всякой войны, что самый безславный миръ дѣлаетъ милліоны людей счастливыми, между тѣмъ, какъ славнѣйшая война ввергаетъ цѣлые милліоны народовъ въ бездну нещастій; что слава и честь въ такомъ случаѣ суть однѣ химерическія представленія, и что наконецъ такъ называемый *безславный* миръ значитъ почти тоже, что *неблагополучное благополучіе* и пр. и пр. Всѣ сіи утѣшительныя выраженія не имѣли желаннаго дѣйствія. Австрійцы не могли такъ скоро забыть, что Турецкая война стоила имъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ

гульденовъ и великаго множества храбрыхъ воиновъ. Они съ огорченіемъ смотрѣли, какъ Императоръ ихъ хладнокровно отдавалъ Туркамъ Австрійскія завоеванія, купленныя такъ дорого. Притомъ же народная гордость Австрійцовъ обижалась и тѣмъ, что Пруссія осмѣливалась предписывать законы Вѣнскому Кабинету.

Россія должна была нести одна всю тягость войны съ Турціею. Кабинеты Берлинскій и С. Джемскій и Генеральные Штаты, пользуясь симъ обстоятельствомъ, хотѣли принудить *Екатерину* унизить свой голосъ въ переговорахъ съ Турціею; они убѣждали Густава не заключать безъ ихъ согласія мира съ Россіею; обѣщали ему

вспомогательныя суммы (*). Усилія тщетныя!... ничто не могло перемѣнить рѣшимости *Екатерининой*. Прусская пѣхота, Англійскіе флоты, червонцы Голландскіе и громъ Шведской артиллеріи, потрясавшій зданія въ столицѣ — все это не устрашало Ея. Она рѣшилась слушать только совѣтовъ своего Генія при заключеніи мира съ непріятелями; не хотѣла знать ни о какомъ посредничествѣ, и съ величественною гордостію презирала ничтожныя угрозы Дворовъ, завидовавшихъ Ея славѣ. — „Она была непоколебима“ — говоритъ одинъ писатель — „подобно утесу, о который раздробляются яростныя волны.“ — *Екатерина* еще

(*) которыхъ однакожъ не присылали.

болѣе изумила всѣ Кабинеты, заключивъ противъ общаго ожиданія миръ съ Швеціею ($\frac{3}{14}$ Августа, 1790). Императрица посрамила этимъ самонадѣятельную, безпокойную политику Прусскую и Англійскую, и получила новые силы для пораженія Оттомановъ. Россія могла теперь умножить войска свои на Югѣ, могла послать флотъ въ воды Архипелага, и напомнить Туркамъ о убійственной побѣдѣ одержанной нѣкогда при Чесмѣ.

Вѣрный Исполнитель воли *Екатерининой*, который угадывалъ и предупреждалъ Ея великія намѣренія, котораго обширный умъ творилъ планы блестящіе, котораго духъ стремился ко всему необыкновенному, колоссальному — Князь *Потемкинъ* положилъ, отва-

житься на все, чтобы только принудить Турковъ заключить съ Россіею миръ на условіяхъ, которыя онъ предписывалъ имъ отъ имени своей Монархини. Верховный Визирь старался тянуть съ нимъ переговоры долѣе, подъ разными предлогами. Наконецъ *Свѣтлѣйшій* потребовалъ чрезъ Лашкарева рѣшительнаго отвѣта отъ Визиря. Послѣ чего переговоры пресѣклись. Лашкаревъ возвратился изъ Шумли въ Яссы; а бывшій у Фельдмаршала повѣренный Верховнаго Визиря оставилъ столицу Молдавіи. Такимъ образомъ поднято снова знамя войны. Князь *Потемкинъ* привелъ войска въ движеніе. Суворовъ съ своимъ корпусомъ пошелъ впередъ, и долженъ былъ напасть на Турковъ; корпусъ Кня-

зя Репнина двинулся къ Браилову, а другой такой же, подъ начальствомъ Князя Голицына, осаждать Измаилъ; Казаки и всѣ полки, стоявшіе на Днѣстрѣ и Бугѣ, выступили въ походъ, — и новая кампанія открыта, правда нѣсколько уже поздно (въ концѣ Августа), но довольно еще рано для того, чтобы Русскимъ нѣсколько разъ побить Музульмановъ въ семъ же еще годѣ. Со дня на день ожидали сценъ кровавыхъ, между тѣмъ, какъ повѣренные отъ Турціи, Австріи и другихъ Державъ собирались на мирный съѣздъ въ Бухарештъ, и потомъ переведены въ мѣстечко Счистовъ (*). Въ это время въ Россіи примѣтно было какое-то пересе-

---

(*) См. Книг. I. стр. 37.

леніе народовъ. Нѣкоторые жители Таврической Области переведены на границы Имперіи, а отчасти во внутренность Государства; новые Казаки Князя *Потемкина* переселялись въ Тавриду; Калмыки шли въ Бѣло-Руссію; войска Украинскія въ Лифляндію.

Фельдмаршалъ, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія въ войскѣ, раздавъ надлежащіе приказы, отправился изъ Яссъ въ Бендеры къ находившейся тамъ тридцати-шести-тысячной арміи. Оттуда наводилъ онъ громовыя тучи на Турцію (*)

Потемкинъ потребовалъ у Принца Саксен-Кобургскаго рѣшительнаго отвѣта, сдастъ ли онъ Русскому войску Валахію,

---

(*) См. примѣч. 40.

завоеванную общими силами. *Свѣтлѣйшій* доказывалъ, что Россія имѣетъ на сію область право, котораго Австрія не могла уступать за нее другимъ въ Рейхенбахѣ. Вопросъ былъ затруднителенъ. Онъ произвелъ замѣшательство при Вѣнскомъ Дворѣ, и привелъ въ великое безпокойство суетливый Кабинетъ Берлинскій. Между тѣмъ Князь *Потемкинъ* сдѣлалъ всѣ приготовленія, чтобы занять Валахію, какъ скоро Австрійскія войска изъ нея выступятъ. Сія мѣра была необходима; политическіе виды и правила Тактики внушали ее.

Фельдмаршалъ приказалъ взорвать на воздухъ укрѣпленія Бендерскія; велѣлъ войскамъ своимъ наступать на непріятеля на водахъ и на сушѣ.

Дѣятельный умъ нашего Героя начерталъ планъ, котораго исполненіе долженствовало прославить имя Изобрѣтателя, умножить могущество Россіи и смирить духъ Султана Селима, запретившаго въ Диванѣ подъ смертною казнію говорить о мирѣ съ Россіею, не требуя Крыма, — Крыма, который Туркамъ стоилъ уже такъ дорого, за который пролито столько крови, раззорено столько городовъ, опустошено столько областей, и для котораго Порта хотѣла употребить послѣднія свои усилія. Планъ Князя *Потемкина* состоялъ въ томъ, чтобы, занявъ Турковъ на Черномъ морѣ, провести между тѣмъ свою флотилію вверьхъ по Дунаю до Рущука, или Журжи; овладѣть Дунайскимъ устьемъ; взять го-

рода Тульчу, Исакчу и другіе, лежащіе на правомъ берегѣ Дуная; ударить въ тоже время на непріятеля съ сухаго пути; поставить Верховнаго Визиря между двухъ огней, заперетъ его со всѣхъ сторонъ, и принудить подписать мирный договоръ, который бы *Свѣтлѣйшій* надиктовалъ Туркамъ именемъ *Екатерины II.*

Сія мысль несказанно льстила честолюбію Князя *Потемкина.* Она обѣщала ему успѣхъ блестящій, могла доставить средства привести въ трепетъ Счистовъ и разсѣять мирный Конгрессъ, въ немъ собравшійся. Въ такомъ случаѣ можнобъ было оказать важную услугу Австріи и уничтожить Рейхенбахское соглашеніе. — *Свѣтлѣйшій* приступилъ немедленно къ произ-

веденію вѣ дѣйство своихѣ обширныхѣ намѣреній. Онѣ ѣздилѣ вѣ Херсонѣ; роздалѣ тамѣ нужныя приказанія Начальникамѣ морскихѣ силѣ, велѣлѣ нѣсколькимѣ линейнымѣ кораблямѣ иттти изѣ Херсона вѣ Лиманѣ и соединиться сѣ большимѣ Рускимѣ флотомѣ, которому данѣ уже былѣ приказѣ выттти изѣ Севастополя и напасть на Турецкій флотѣ. Потомѣ Фельдмаршалѣ возвратился на прежнее свое мѣсто кѣ Бендерамѣ и скоро отправился кѣ собраннымѣ корпусамѣ войскѣ, которые назначены были дѣйствовать на сухомѣ пути противѣ Киліи, Измаила и Браилова.

Августа 28 Турецкій флотѣ подѣ начальствомѣ Капитана-Паши поровнялся противѣ Хаджи-

бея, прошедъ островъ Тендру, Контр-Адміралъ Ушаковъ вступилъ съ Турками въ сраженіе; при первомъ стремленіи привелъ оныхъ въ безпорядокъ и принудилъ бѣжать въ открытое море. На другой день напалъ онъ на Капитана-Пашу снова, и совершенно разбилъ непріятельскій флотъ. Русскій Адміралъ показалъ при семъ особенное искусство, выстроившись такъ выгодно, что ядра Турецкія не могли сдѣлать большаго вреда кораблямъ его.

И на Кавказѣ, и въ странахъ Кубанскихъ парилъ Геній *Потемкина*, — и тамъ принялъ онъ всѣ мѣры для предупрежденія замысловъ непріятельскихъ, для ослабленія враговъ Россіи. Турки, собравъ войско у Анапы, хотѣли съ помощію Закубан-

скихѣ Татарѣ и Горцовѣ, перебравшись черезѣ Кубань, прорваться сквозь Кавказскую линію во внутренность Русской Имперіи. Фельдмаршалѣ велѣлѣ Генерал-Поручику Барону Розену посѣтить собственныя жилища Закубанцевѣ, тревожить сихѣ хищниковѣ вѣ ихѣ ущелинахѣ, и чрезѣ то облегчать дѣйствіе другому Кавказскому корпусу. Вѣ тоже время (30 Сентября) Генералѣ-Майорѣ Германѣ совершенно разбилѣ на Кубани славнаго Сераскира Трех-бунчужнаго Пашу Батала-Бея, предводительствовавшаго многочисленнымѣ войскомѣ. Весь непріятельскій лагерь, тридцать пушекѣ, множество разныхѣ снарядовѣ и припасовѣ, и самѣ Паша со

всею свитою достались въ руки Побѣдителю (*).

Въ Октябрѣ храбрый Генералъ Меллеръ осадилъ Килію-Нову, раненъ во время осады, и скоро скончался къ великой горести Князя *Потемкина*, который искренно любилъ Меллера и съ трогательною нѣжностію заботился о его излѣченіи. (**) Генералъ Гудовичь заступилъ мѣсто Меллерово, овладѣлъ ретраншаментомъ, окружавшимъ городъ; сдѣлалъ проломъ въ городской стѣнѣ и Килія 18 Октября сдалась на договоръ. Гудовичь подвинулся съ разными отрядами къ Измаилу. (***)

(*) См. примѣч. 41.

(**) См. примѣч. 42.

(***) См. примѣч. 43.

За нѣсколько времени предъ симъ *Потемкинъ* велѣлъ Генарал-Майору Рибасу войти въ Дунай съ гребною флотиліею и съ лодками Черноморскихъ Казаковъ. Рибасъ, вышедъ изъ пролива Очаковскаго и соединившись при устьѣ Днѣстра съ Казачьими лодками, пустился къ Дунаю, овладѣлъ батареями, прикрывавшими входъ въ сію рѣку, разсѣялъ непріятельскую флотилію, хотѣвшую препятствовать его намѣреніямъ, и ввелъ суда свои въ Дунай такъ называемымъ Сунинскимъ устьемъ и проливами Килійскими. — Онъ поручилъ флота Капитану Ахматову и брату своему Подполковнику Рибасу, съ одною частію флотиліи очистить ходъ мимо Тулчи. Ахматовъ и Рибасъ, пробравшись къ

сему замку, захватили нѣсколько непріятельскихъ судовъ, прочія прогнали вверьхъ по Дунаю, принудили стоявшихъ тамъ Турковъ и Татаръ бѣжать въ степи и 7 Ноября заняли Тульчу.

Такимъ образомъ Генералъ Рибасъ сдѣлался обладателемъ нижней части Дуная. Онъ отправилъ отрядъ судовъ къ мысу Чапалу и чрезъ то пресѣкъ сообщеніе между Исакчею и Измайломъ; отрѣзалъ сей послѣдній городъ отъ праваго берега Дуная, истреблялъ повсюду суда Турецкія, и вскорѣ потомъ (17 Ноября) овладѣлъ Исакчею, въ которой найдено было сильная артиллерія, множество магазиновъ, наполненныхъ разными припасами и снарядами, заготовленными для

сухопутныхъ Турецкихъ войскъ и для флотиліи.

Чтобы обезопасить предпріятія Рибасовы, *Свѣтлѣйшій* предписалъ Севастопольскому флоту расположиться у Дунайскихъ устьевъ. Ушаковъ явился тамъ съ флотомъ своимъ въ то самое время, какъ Рибасъ напалъ на Сунинскія укрѣпленія. Легкія суда разосланы были для поисковъ къ непріятельскимъ берегамъ. Поздность времени не позволяла Рускому флоту держаться долго въ открытомъ морѣ. Ушаковъ, сообразно съ волею Князя *Потемкина*, подошелъ къ берегамъ Румелійскимъ, чтобы вселить болѣе ужаса въ Турковъ. Въ половинѣ Ноября флотъ возвратился въ въ Севастополь.

Въ это же время Фельдмаршалъ послалъ къ Генералу Рибасу приказаніе, непремѣнно и немедленно занять войскомъ островъ, находящійся на Дунаѣ противъ Измаила; поставить тамъ батареи и, соединя обѣ части гребнаго флота, истребить непріятельскую флотилію, стоявшую подъ стѣнами Измаила и тѣснить сей городъ сколько можно болѣе. Повелѣніе Военачалвника одушевило новымъ мужествомъ храбрыхъ Русскихъ воиновъ — и Рибасъ занялъ и укрѣпилъ показанный островъ; огненный дождь полился на Измаильскія стѣны, и всѣ почти Турецкія суда были сожжены или затоплены.

Турки, сидѣвшіе въ Измаилѣ, защищались съ яростнымъ упорствомъ. Самъ Визирь съ

долинѢ Рущукскихъ готовился итти кЪ нимЪ на помощь. ИзмаилЪ былЪ драгоцѢненЪ для Турціи. Иностранные Инженеры трудились надЪ укрѢпленіями сего города. Высокіе валы, преглубокіе, пространные рвы и крѢпкій палисадникЪ дѢлали его почти неприступнымЪ. ЦѢлая армія могла укрываться вЪ немЪ. ИзмаилЪ могЪ служить сборнымЪ мѢстомЪ для Турецкихъ войскЪ, щитомЪ Дуная, убѢжищемЪ разбитыхЪ полковЪ ОттоманскихЪ. ИтакЪ могла ли Порта не дорожить такою крѢпостью? Она снабдила ее всѢми припасами, ввела туда сильный гарнизонЪ, поручивЪ оный начальству старагo, храбраго и опытнаго Сераскира Айдузлу-Паши, который нѢсколько разЪ отвергалЪ достоинство Верь-

ховнаго Визиря, былъ преданъ своему отечеству и ненавидѣлъ Русскихъ. Султанъ употребилъ всѣ средства, чтобы въ столь позднее время удержать свою армію въ полѣ. Его Азійскія войска, по обыкновенію, начинали уже на зиму возвращаться въ свои домы. Нуман-Бегъ, присланный Селимомъ въ лагерь Верховнаго Визиря, дѣлалъ воинамъ, отъ имени Государя, самыя убѣдительныя представленія; обѣщалъ богатыя награды. Послѣднее имѣло свое дѣйствіе. Многія войска остались на мѣстѣ, и Визирь могъ послать подкрѣпленіе въ Измаилъ.

Князь *Потемкинъ* жилъ въ это время въ Бендерахъ среди блеска обыкновенной своей восточной роскоши, окруженный любимцами и почитателями. Упор-

ство Измаила раздражило его. Наступала зима. Надобно было успокоить войска послѣ славнаго, но тягостнаго похода; съ другой стороны надобно также было нанесть еще одинъ сильнѣйшій ударъ Портѣ, чтобы унизить ея надѣятельность на свои силы и вынудить у нее чувствованія миролюбивыя. Фельдмаршалъ видѣлъ, что должно было прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ, и однакожь не могъ скоро на то рѣшиться. Однажды Г-жа Виттъ, бывшая въ Бендерахъ, гадая на картахъ, предсказывала *Свѣтлѣйшему*, что осажденный городъ черезъ три недѣли сдастся. „А я умѣю гадать гораздо лучше!" отвѣчалъ *Потемкинъ* съ улыбкою, и въ туже минуту послалъ къ Графу Суворову (стоявшему у Га-

лаца) приказаніе взять Измаилъ приступомъ, во что бы то ни стало.

Съ быстротою молніи Рускій Ганнибалъ явился предъ Измаиломъ въ началѣ Декабря, отрядивъ напередъ часть войска черезъ Серетъ къ Браилову. Онъ послалъ (7 Декабря) къ начальствовавшему въ городѣ Сераскиру письмо отъ Князя *Потемкина* и требовалъ сдачи крѣпости. Айдузлу-Паша въ отвѣтѣ своемъ на письмо Фельдмаршала, совѣтовалъ Рускимъ, по причинѣ глубокой осени и суровости погоды, отступить отъ города; увѣрялъ, что въ противномъ случаѣ будутъ они терпѣть недостатокъ во всемъ, между тѣмъ какъ гарнизонъ снабдѣнъ всѣми припасами. Впрочемъ требовалъ мѣсяцъ сро-

ка, чтобы снестись о семъ дѣлѣ съ Верховнымъ Визиремъ. На другой день повторено требованіе о сдачѣ; отвѣтъ былъ совершенно въ восточномъ вкусѣ, то есть, что *прежде Дунай остановится въ своемъ теченіи, или небо преклонится къ землѣ, нежели... Измаилъ сдастся!*

Между тѣмъ со стороны Рускихъ сдѣланы были всѣ нужныя приготовленія. Рибасъ, стоя на прежнемъ мѣстѣ съ гребноюфлотиліею, безпрестанно пускалъ въ крѣпость бомбы и ядра. Декабря 11 Суворовъ повелѣ войска свои на приступъ. Это былъ кровопролитнѣйшій день, незабвенный въ Исторіи войны. Убійство Очаковское есть только слабый оттѣнокъ ужасовъ, произведенныхъ въ Измаилѣ. Обѣ стороны показали

тутъ чудеса храбрости. Рускіе дрались, какъ львы. Турки оборонялись съ отчаяннымъ мужествомъ, и дорого продавали жизнь свою. Но ничто не могло остановить успѣховъ Русскихъ. Они вошли въ городъ. Тутъ произошла новая свирѣпая война съ остаткомъ гарнизона и отчаянными жителями, которые собрали послѣдніе свои силы, и побѣдители должны были каждый шагъ покупать своею кровію. Наконецъ все пало предъ оружіемъ Суворова — Измаилъ взятъ!... До тридцати тысячь Турковъ и нѣсколько тысячь Русскихъ принесены тутъ въ жертву лютому демону войны. Самъ храбрый Сераскиръ былъ пронзенъ безчисленными ударами штыковъ. Громъ пушекъ, свистъ летящихъ пуль,

трескъ сабель, крикъ отчаянія, жалостные вопли умирающихъ, повсюду лежащія кучи разтерзанныхъ, обезображенныхъ тѣлъ, ручьи текущей крови — суть легкія черты картины, о которой одна мысль приводитъ въ содроганіе человѣчество. Лавры Суворова обрызганы кровію! Но какъ рѣдко получаютъ вѣнки безкровные! — Взятіе Измаила останется навсегда памятникомъ храбрости Сѣверныхъ Героевъ — торжествомъ штыковъ Рускихъ. Распущенъ былъ слухъ, будто *Потемкинъ* велѣлъ Суворову, не дѣлать Измаилу никакой пощады. Такъ говорила клевета; мы не вѣримъ этому.

Побѣдитель немедленно послалъ къ Фельдмаршалу радостное извѣстіе въ короткихъ сло-

вахъ: „Россійскій флагъ — на стѣнахъ Измаильскихъ!“ — пушечная пальба объявила Бендерамъ пріятную новость.

Около трехъ сотъ пушекъ, найденныхъ въ Измаилѣ, множество разнаго оружія, бунчуковъ, знаменъ, штандартовъ, невѣроятное количество припасовъ всякаго рода, великія богатства, отысканныя въ домахъ и лавкахъ, также нѣсколько вооруженныхъ судовъ — все досталось въ руки завоевателей. Многіе рядовые солдаты получили по нѣскольку сотъ, даже иные болѣе тысячи червонныхъ.

Съ покореніемъ Измаила кончился походъ сей, который (такъ какъ и всѣ войны *Екатеринины* съ Оттоманами) послужитъ въ Исторіи дополненіемъ

къ войнѣ Александра съ Даріемъ. *Потемкинъ* велѣлъ итти войскамъ на зимнія квартиры, а самъ отправился въ Яссы, гдѣ хотѣлъ проводить зиму. Суворовъ возвратился къ Галацу.

Екатерина была несказанно обрадована новымъ, блестящимъ успѣхомъ своего оружія. Она щедро наградила Валеріана Зубова, привезшаго въ столицу извѣстіе о завоеваніи Измаила. Князь *Потемкинъ* скоро прислалъ ей ключи Измаильскіе вмѣстѣ съ планомъ сего города; также ключи отъ крѣпостей Тульчи и Исакчи. Монархиня предписала Фельдмаршалу раздать знаки отличія храбрымъ своимъ воинамъ, которые на сушѣ и на водѣ участвовали въ пораженіи Турецкой арміи, скры-

вавшейся въ Измаилѣ (*). — *Екатерина* живо чувствовала свое торжество надъ Турціею и Дворами, которые старались о пользѣ Селимовой. „Государь мой! сказала Она однажды ироническимъ тономъ Англійскому Министру Витворту — „Король вашъ хочетъ меня выгнать изъ Петербурга. Я надѣюсь однакожь, что онъ въ такомъ случаѣ по крайней мѣрѣ позволитъ мнѣ переселиться въ Константинополь.“

Глубоки были раны, нанесенныя Россіею Портѣ. При всемъ томъ Селимъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ своихъ оружія. Неудачи, казалось, еще болѣе раздували пылкость въ юномъ Султанѣ. Онъ принялъ всѣ мѣ-

---

(*) См. примѣч. 44.

ры, чтобы не дать распространиться негодованію своихъ подданныхъ, роптавшихъ на войну тягостную и изнурительную. Всѣ кофейные домы въ Константинополѣ были заперты; многіе люди, говорившіе слишкомъ вольно, брошены въ море. Султанъ приглашалъ всѣхъ жителей Булгаріи, всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданыхъ, Музульмановъ и Христіянъ, приняться за оружіе; обѣщалъ по смерть увольнить отъ податей всякаго, кто выступитъ въ походъ; далъ слово, что и Христіане будутъ производимы въ чины, и могутъ получать даже достоинство Пашей; хотѣлъ самъ ѣхать въ армію безъ всякой пышности и сказалъ, что скорѣе позволитъ удавить себя въ

Харемѣ, нежели заключить миръ невыгодный (*).

Верьховный Визирь подвинулъ изъ Шумли нѣкоторые корпусы къ Рущуку, а самъ съ остаткомъ войскъ своихъ хотѣлъ прикрыть Силистрію и Варну, еслибы *Потемкинъ* вздумалъ предпринять что-нибудь противъ сихъ городовъ. Визирь прежде взятія Измаила хотѣлъ вступить въ новые переговоры съ Рускимъ Фельдмаршаломъ; но Министръ Прусскій Маркизъ Лукхезини удержалъ его своими угрозами отъ такого предпріятія. Турецкій Военачальникъ писалъ послѣ того къ Лукхезини съ упреками, что онъ былъ причиною нещастной судьбы Измаила. Визирь началъ пе-

(*) См. примѣч. 45.

реговоры съ *Потемкинымъ*. Но они скоро были прерваны. Въ концѣ Января прибылъ въ Шумлю одинъ Капиджи, и отъ имени Султана отрубилъ Верьховному Визирю голову. Такимъ образомъ сей нещастный Полководецъ заплатилъ жизнію за нехрабрость Султанова войска. Мѣсто Визиря заступилъ Юсуфъ Паша, бывшій уже разъ въ семъ достоинствѣ.

Селимъ дожидался развязки Счистовскаго Конгресса. Переговоры въ семъ мѣстѣ тянулись и не предвѣщали хорошаго успѣха. Полномочные нѣкоторыхъ Державъ приглашали и Князя *Потемкина*, принять участіе въ мирныхъ сношеніяхъ; но онъ отвергъ сіе предложеніе. По крайней мѣрѣ Министры хотѣли знать признаетъ

ли *Потемкинъ* Счистовъ, мѣстомъ неутральнымъ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что „не знаетъ ни о какомъ мирномъ Конгрессѣ; что его легкія войска имѣютъ приказаніе тревожить непріятеля *вездѣ*, гдѣ только найти могутъ, и что онъ совѣтуетъ Господамъ Министрамъ поскорѣе оставить непріятельскую область, и не подвергать себя могущимъ случиться неудовольствіямъ и даже опасности со стороны Казацкихъ пикъ."

Потемкинъ проводилъ время въ *Яссахъ* съ такимъ великолѣпіемъ и пышностію, которыя ему только одному были свойственны, и которыя напоминаютъ намъ о роскоши Восточныхъ Сатраповъ и о праздникахъ богачей Римскихъ.

Дворѣ его отличался чрезвычайнымѣ богатствомѣ и вкусомѣ. Все, что только искусство можетѣ изобрѣсти для удовольствія сердца, для развлеченія духа, — все можно было найти тамѣ. Музыка, танцы, блестящіе праздники, всякаго рода увеселенія, общество милыхѣ — все это дѣлало Яссы жилищемѣ радости. Благодѣтельная расточительность Князя *Потемкина* привлекла туда многихѣ артистовѣ, многихѣ вельможѣ иностранныхѣ. Послѣдніе хотѣли участвовать вѣ веселостяхѣ, или искали своего щастія. Особливую ласковость показывалѣ *Свѣтлѣйшій* Молдавскимѣ Боярамѣ и супругамѣ ихѣ. Онѣ любилѣ Молдавію, и старался привязать кѣ себѣ ея жителей.

Храбрые воины *Потемкина*, съ шакимъ геройствомъ сражавшіеся подъ знаменами его, пользовались щедростію своего Полководца, который съ нѣжною заботливостію старался покоить ихъ послѣ побѣдъ кровавыхъ; старался привлечь къ себѣ сердца ихъ, питать въ нихъ духъ веселости и презрѣніе къ опасностямъ. „Армія унылая неспособна къ великимъ предпріятіямъ" говорилъ *Потемкинъ*.

Въ объятіяхъ нѣги и роскоши неутомимый Геній нашего Героя занимался безпредѣльными своими планами. Тайны всѣхъ Кабинетовъ Европейскихъ были ему открыты. Диванъ и Польскія дѣла служили особливымъ предметомъ его политической дѣятельности. Онъ зналъ

весь ходъ Французской революціи, и дальновидной взоръ его усматривалъ развязку сей трагедіи. *Потемкинъ* предсказывалъ напередъ участь, которая постигла Францію уже послѣ его кончины. Однаждыı разговаривая о произшествіяхъ Французскаго Государства, о дерзости, съ которою народъ хотѣлъ возвратить себѣ права свои и вольность, *Свѣтлѣйшій* сказалъ Кавалеру Ланжерону, который находился въ Руской службѣ, и оказалъ отличную неустрашимость при взятіи Измаила: „Полковникъ! ваши земляки глупы. Мнѣ стоитъ только взять своихъ форрейтеровъ, чтобы ихъ привести въ разумъ.“ Ланжеронъ былъ эмигрантъ, но унизительный отзывъ о соотечественникахъ оскорбилъ его

самолюбіе. „Князь!“ отвѣчалъ онъ — „я не думаю, чтобъ вы успѣли въ томъ со всею своею арміею“ (*). Легко догадаться можно, какое дѣйствіе произвели слова сіи. Ланжеронъ вскорѣ послѣ того отправился въ Австрію.

Между тѣмъ *Потемкинъ* началъ чувствовать слѣдствія своего образа жизни. Крѣпкое сложеніе тѣла не помогало ему болѣе. Всѣ члены его ослабѣвали. Онъ сдѣлался невеселъ, задумчивъ, болѣе прежняго предавался непостоянству своего характера; не могъ долго быть на одномъ мѣстѣ, и для разсѣянія переѣзжалъ изъ города въ городъ, изъ одной деревни въ другую.

(*) Prince, je ne crois pas que vous puſsiez y réuſsir avec toute votre armée.

Въ семъ положеніи получилъ онъ отъ *Екатерины* важное повелѣніе, заключить непремѣнно съ Турціею миръ. Война сдѣлалась наконецъ тягостною для Императрицы. Многія иностранныя Державы не давали ей покоя разными своими представленіями; Польша требовала особеннаго ея вниманія — и *Екатерина* рѣшилась кончить войну съ Портою. Пруссія и Англія отказывались отъ миротворной роли своей и соглашались, чтобы Россія заключила миръ и одна безъ ихъ посредничества. Государыня уполномочила Фельдмаршала; писала, что ждетъ его въ столицу съ мирнымъ трактатомъ.

Покоритель Очакова, Завоеватель Молдавіи и Бессарабіи

видѣлъ ясно превосходство своего оружія надъ Оттоманами. Упорная гордость ихъ раздражала его. Можно ли было ожидать, чтобъ онъ согласился пожертвовать всѣми своими лаврами, всѣми надеждами и видами кроткому миролюбію; чтобы заключилъ миръ снисходительный, не сообразный ни съ щастіемъ войскъ *Екатерининыхъ*, ни съ своею славою, ни съ своими планами? *Потемкинъ* хотѣлъ расторгнуть всѣ препятства, проникнуть въ самую внутренность Порты, потрясти ее въ самомъ сердцѣ и получить миръ славный, долженствовавшій возвысить Россію; уничижить Порту; посрамить замыслы Державъ завистливыхъ. Онъ старался низвергнуть Турецкую Луну съ

такимъ же усилiемъ, съ какимъ Питтъ и Герцбергъ (*) ее поддерживали. *Свѣтлѣйшiй* представлялъ Государынѣ, что рано было думать о мирѣ съ Турками; что еще недовольно нанесено ранъ Музульманамъ за ихъ гордость, за нарушенiе правъ народныхъ, за злобные ихъ умыслы противъ Россiи. Надобно было предпринять, по крайней мѣрѣ, еще одинъ походъ; надобно было доказать надменнымъ врагамъ, что Рускiе штыки не притупляются; что огонь Руской артиллерiи также неистощимъ и всепожирающъ, какъ огонь разгнѣваннаго неба; что Рускiе воины неутомимы. *Потемкинъ* говорилъ, что будучи Великимъ Гетма-

(*) Прусскiй Министръ.

номѣ Казаковѣ, онѣ можетѣ сдѣлать между ими рекрутскій наборѣ для усиленія арміи.

Тщетно Юсуфѣ Паша хотѣлѣ помочь потрясенному своему отечеству, стараясь заманить *Потемкина* вѣ сѣти, обѣщая ему выгодный мирѣ на щетѣ пользы Австрійскаго Двора, — котораго Министры дѣлали много затрудненій на Счистовскомѣ Конгрессѣ (*). Верьховному ли Визирю можно было обмануть того, предѣ которымѣ всѣ изгибы, всѣ сокровенности политики были открыты, и который лучше Юсуфа зналѣ состояніе Дивана? *Свѣтлѣйшій* отвѣчалѣ Визирю, что Великая его Государыня никогда не унизитѣ славы Своей нарушеніемѣ

(*) См. примѣч. 46.

вѣрности къ союзницѣ; что Она отвергаетъ предлагаемыя Ей выгоды, если онѣ вредны для Австріи —, и что онъ, вѣрный исполнитель Монаршей воли, надѣется, что время и счастіе, благословлявшее до тѣхъ поръ оружіе Императрицы, приведутъ его наконецъ, и можетъ быть скоро, къ желаемой цѣли.

Послѣ такого отвѣта, Туркамъ не оставалось ничего болѣе, какъ исполняя желаніе предпріимчиваго Султана и совѣты своихъ союзниковъ, собрать послѣднія изнуренныя свои силы и умножить число побѣдъ и торжествъ Князя *Потемкина*.

Въ самомъ дѣлѣ Порта готовилась къ новой кампаніи. Повсюду дѣланы были вооруженія. Многіе отряды войскъ шли

въ армію Верьховнаго Визиря; въ областяхъ Азійскихъ, въ Румеліи и Булгаріи собирались новые корпусы. Гребной флотъ на Дунаѣ долженствовалъ подкрѣплять предпріятія сухопутнаго войска. — *Потемкинъ*, сидя въ Яссахъ, покойно смотрѣлъ на всѣ сіи приготовленія, для него нестрашныя.

Въ Генварѣ 1791 года часть Руской арміи приведена была въ движеніе. Турки напали въ сторонѣ Галаца на пяти-тысячный корпусъ легкой Руской конницы. Послѣ сильнаго сраженія непріятель принужденъ былъ отступить съ урономъ.

Свѣтлѣйшій сдѣлалъ въ своемъ войскѣ всѣ нужныя распоряженія, принялъ всѣ мѣры для удачнаго открытія будущаго похода. Нѣкоторые полки от-

правилъ онъ еще прежде въ Польскую Украйну, къ арміи, которая расположена тамъ была для наблюденій. За то гребная флотилія на Дунаѣ увеличена многими судами, посланными туда изъ Чернаго моря. — Послѣ сего *Потемкинъ* оставилъ *Яссы* (въ Февралѣ) и отправился въ Петербургъ насладиться своими тріумфами.

Тамъ ожидали его почести и увеселенія. Почти всякой день посылаемы были къ нему навстрѣчу курьеры для освѣдомленія о его здоровьѣ. Недалеко отъ Москвы былъ онъ встрѣченъ однимъ знатнымъ чиновникомъ, который провожалъ его до столицы. Дорога отъ Москвы до Петербурга была исправлена.

Императрица приняла *Потемкина* съ отличнымъ уваженіемъ и радостію. Онъ, какъ главный Предводитель войска, не получилъ еще награды за взятіе Измаила. Государыня велѣла выстроить въ честь ему великолѣпный Дворецъ, по плану, какой онъ самъ выберетъ по своему вкусу. Передъ Дворцомъ симъ должно было поставить монументъ въ воспоминаніе знаменитыхъ подвиговъ Князя *Потемкина*. *Свѣтлѣйшій* отклонилъ отъ себя такую награду. Ему хотѣлось имѣть въ саду Сарскаго села такой же памятникъ, какіе *Екатерина* воздвигла въ честь Героевъ и вѣрныхъ сыновъ отечества Румянцова и Орловыхъ (*). Желаніе *Потем-*

(*) См. примѣч. 47.

кина не исполнилось. Между тѣмъ онъ выпросилъ себѣ у Государыни Дворецъ, извѣстный подъ именемъ Таврическаго; получилъ также въ подарокъ отъ Монархини пребогатое платье, украшенное алмазами и другими дорогими каменьями, цѣною въ двѣсти тысячь рублей.

Потемкинъ, по видимому совсѣмъ не заботился въ это время о политическихъ дѣлахъ. Только изрѣдка имѣлъ онъ сношенія съ Графомъ Безбородкою. Побѣдоносный Вождь хотѣлъ, казалось, успокоиться на лаврахъ своихъ послѣ трудовъ военныхъ. Между тѣмъ все соединилось для того, чтобъ сдѣлать ему пребываніе въ столицѣ пріятнымъ. Всѣ старались осыпать *Свѣтлѣйшаго* Князя ласка-

ми; вездѣ видѣлъ онъ знаки общаго уваженія къ себѣ. Вельможи давали для него пышные праздники, угощали его въ домахъ своихъ, служили ему сами. Все это было сладкою пищею честолюбію *Потемкина*. Но среди всѣхъ торжествъ, среди всѣхъ увеселеній какое-то тайное безпокойство тревожило духъ его, отравляло его радости. Часто въ то время, когда все вокругъ него улыбалось, когда онъ самъ хотѣлъ принимать участіе въ общихъ утѣхахъ — даже въ это время можно было читать на лицѣ его глубокую горесть, которой причина для самаго его была загадкою. Онъ скучалъ всѣми почестями, всѣми ласками; былъ недоволенъ всѣми, даже самимъ собою. Не уже-ли это былъ

задатокъ какаго нибудь бѣдствія, предвѣстіе близкой кончины? *Потемкинъ* не умѣлъ объяснить себѣ причины сего чуднаго явленія, которое происходило въ душѣ его. Между тѣмъ чтобы заглушить, или по крайней мѣрѣ ослабить это непонятное чувствованіе, нарушавшее покой сердца его — *Свѣтлѣйшій* выдумывалъ возможные способы веселостей и развлеченій. Онъ давалъ для знатнѣйшихъ особъ богатыя празденства, которыхъ великолѣпіе и разнообразіе изумляли всѣхъ. Праздѣнства сіи были только предвѣстіемъ того блестящаго зрѣлища, которое *Свѣтлѣйшій* показалъ столицѣ 28 Апрѣля (1791) и которое по своей пышности и чрезвычайнымъ из-

держкамъ, походило на нѣчто невѣроятное, волшебное.

Потемкинъ рѣшился торжествовать взятіе Измаила и вмѣстѣ дать блистательный праздникъ въ честь Государыни, чтобы изъявить свою признательность къ Ней за то величіе, на которое Она его возвысила. Для сего избранъ былъ Таврическій Дворецъ, который не за долго предъ тѣмъ *Свѣтлѣйшій* получилъ въ подарокъ отъ *Екатерины*. Наружность сего огромнаго зданія не имѣетъ великолѣпныхъ украшеній: она проста и величественна. За то внутренность Дворца можно было почесть Храмомъ Вкуса и роскоши. Здѣсь Искусство истощило, кажется, само себя, покоряясь неистощимой фантазіи Хозяина дому. — Особливое

вниманіе заслуживали двѣ огромныя залы, отдѣленныя одна отъ другой колоннадою. Первая изъ нихъ назначена была для собраній, баловъ, праздниковъ и пр. въ другой находился *зимній садъ*. Ничто не могло равняться съ огромностію и великолѣпіемъ залы собраній (*); никакое перо не въ силахъ изобразить тѣхъ впечатлѣній, которыя производилъ зимній садъ на воображеніе и сердце. Тысячи красотъ и чудесностей представлялись тутъ очарованному взору. Тамъ пестрѣли лавровыя, померанцовыя, миртовыя рощицы; — вообще растѣнія счастливѣйшихъ странъ земнаго шара, покрытыя благовоннымъ цвѣтомъ, или обремененныя прелестны-

---

(*) См. примѣч. 48.

ми плодами; здѣсь встрѣчалась мягкая зелень дерна, по которому извивались песчаныя дорожки или пролегали перспективы; въ одномъ мѣстѣ какой нибудь антикъ занималъ любопытство посѣтителя, въ другомъ должно было остановиться передъ прозрачнымъ водоемомъ, въ которомъ рѣзвились золотыя и сребристыя рыбы. Разноцвѣтныя птички порхали на вѣтвяхъ деревъ. По срединѣ сего волшебнаго сада, между величественными столпами, стояла статуя *Екатерины II*, сдѣланная изъ Паросскаго мрамора, и окруженная небольшимъ лабиринтомъ, составленнымъ изъ кустовъ и деревъ — эмблемма препятствъ и трудностей, съ которыми должно бороться на пути къ величію

и славѣ. За статуею на зеленомъ дернѣ возвышался прозрачный, алмазо-образный обелискъ или пирамида, украшенная разными каменьями и представлявшаяся въ радужныхъ цвѣтахъ. На верху обелиска сего изображено было имя *Екатерины II.* Далѣе во глубинѣ сада находился гротъ, убранный зеркалами, которыя тысячу разъ отражали сіи чудеса Искусства и Природы. Внутри грота находился колодезь или купальня. — Все это воскрешало въ душѣ воспоминаніе о волшебныхъ замкахъ; все представляло изумленному глазу прелестное соединеніе всѣхъ климатовъ, всѣхъ временъ года. Пріятный запахъ растѣній, восхитительное пѣніе птицъ настроивало воображеніе къ меч-

тамЪ сладостнымЪ, переносило духЪ вЪ мирныя рощи благословеннаго Юга; пробуждало мысль о тихой Темпейской долинѣ, о блаженныхЪ поляхЪ Елисейскихъ.

Приготовленія кЪ празднику, предположенному *Свѣтлѣйшимъ*, были чрезвычайны, подобно всему, что раждало воображеніе *Потемкина*. ОнЪ самЪ занимался распоряженіями. Художники всякаго рода нѣсколько недѣль занимались вЪ домѣ разными работами. Множество знатныхЪ особЪ собиралось туда нѣсколько дней сряду, чтобы затвердить роли, для нихЪ назначенныя, и каждое изЪ сихЪ повторительныхЪ приготовленій походило на торжество.

НаконецЪ наступилЪ желанный день, долженствовавшій

удовлетворить нетерпѣливое любопытство жителей столицы. Кромѣ Государыни и всей Императорской фамиліи, *Потемкинъ* пригласилъ къ себѣ на праздникъ всѣхъ Придворныхъ, Иностранныхъ и Рускихъ Министровъ, знатнѣйшее Дворянство обоего пола и великое число важнѣйшихъ особъ всякаго званія. Всѣ были въ маскарадномъ платьѣ. На *Потемкинѣ* былъ алой кафтанъ и богатая длинная епанча изъ черныхъ кружевъ. Одежда его блистала драгоцѣнными каменьями, а на шляпѣ было ихъ столько, что одинъ Адъютантъ долженъ былъ носить ее.

Послѣ шести часовъ прибылъ туда Дворъ. Какъ скоро карета, въ которой находилась Императрица, приближилась къ

дому *Свѣтлѣйшаго;* радостное *ура!* раздалось въ воздухѣ. Съ амфитеатра, построеннаго противъ дома, загремѣли трубы, и въ туже минуту открылось пиршество для простаго народа. Его угощали разными ѣствами и напитками, и дарили платьями. *Потемкинъ* и всѣ его гости встрѣтили Государыню со всѣми знаками глубочайшаго почтенія и преданности. *Екатерина,* вступивъ въ главную залу, взошла на приготовленное для Нее возвышенное мѣсто, которое окружено было прозрачными картинами и надписями. Все собраніе разсѣялось подъ колоннадою и въ ложахъ. Торжественные звуки музыки (*) голосовой и инструмен-

(*) Оркестръ состоялъ изъ трехъ сотъ человѣкъ музыкантовъ и пѣвцовъ.

тальной разнеслись подъ сводами залы. Двадцать четыре пары знатнѣйшихъ Дамъ и Кавалеровъ начали танцовать балетъ, изобрѣтенный самимъ Хозяиномъ. Великіе Князья *Александръ* и *Константинъ Павловичь* придали блеска сей прелестной труппѣ своимъ участіемъ въ танцахъ. Танцующіе были одѣты въ бѣлое платье такъ богато и великолѣпно, что однихъ бриллiянтовъ щиталось на нихъ на десять милліоновъ рублей. Музыка и содержаніе хоровъ были сообразны съ цѣлію торжества. Славный Пикъ кончилъ балетъ танцемъ своего сочиненія.

Императрица, оставивъ собраніе, удалилась въ другую залу, устланную богатыми коврами и украшенную Гобеленевы-

ми обоями. Вѣ ближней комнатѣ стоялѣ искусственный золотой слонѣ, который обвѣшанѣ былѣ жемчужными бахрамами, убранѣ алмазами, изумрудами и рубинами. Онѣ началѣ ворочать хоботомѣ. Сидѣвшій на немѣ Персѣ, корнакѣ или вожатый его, великолѣпно одѣтый, ударилѣ вѣ колоколѣ. Это было знакомѣ кѣ открытію театра. *Потемкинѣ* повелѣ туда высокихѣ своихѣ Посѣтителей и прочихѣ гостей. Занавѣсѣ поднялся, и вдали представилась великолѣпная сцена. Явилось лучезарное солнце; вѣ срединѣ его вѣ зеленѣющихся лаврахѣ блистало вензловое имя *Екатерины II.* Начался балетѣ; онѣ представлялѣ поселянѣ и поселянокѣ, которые своими тѣлодвиженіями изѣявляли сердеч-

ное благоговѣніе къ благотворному свѣтилу. Потомъ слѣдовала комедія, довольно пріятная; а за нею другой балетъ, представлявшій Смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ, между которыми однакожь не было ни одного Русскаго.... Мысль самая льстивая! Она долженствовала натурально привести на память опустошительные набѣги Татарскіе на Россію и заставить сравнить ужасы тогдашнихъ временъ съ щастливымъ вѣкомъ *Екатерины II.*

Изъ театра собраніе возвратилось въ большую залу и въ зимній садъ, которые между тѣмъ освѣщены были съ величайшимъ искусствомъ и великолѣпіемъ. Императрица изумлена была сею восхитительною

нечаянностію. „Не уже ли мы тамъ, гдѣ и прежде были?“ сказала Она *Потемкину*. Сто тысячь лампадъ освѣщали внутренность дома. Карнизы, окна, простѣнки — все усыпано было кристальными шарами, наполненными воскомъ. Огромныя люстры и фонари умножали блескъ. Все, казалось, пылало въ огнѣ. Вездѣ сверкали яркія звѣзды, вездѣ играли зари или прекрасныя радуги. Безчисленныя зеркала и пирамиды со всѣхъ сторонъ отражали сіе волшебное зрѣлище. Романическій зимній садъ отъ разноцвѣтныхъ огней получилъ новую прелесть, и сіи ароматныя рощицы, сія смѣсь красокъ природныхъ и искусственныхъ, сіе нѣжное пѣніе птицъ, соединявшееся съ гармоническими то-

нами музыки, обворожая духъ присутствовавшихъ, довершили чудесность празднества.

Во время бала Государыня играла въ карты съ Великою Княгинею (Маріею Феодоровною). Музыка (*), танцы и пляски, качели, находившіяся внутри покоевъ и разныя другія увеселенія занимали гостей. Хозяинъ угощалъ ихъ щедро: напитки и ѣствы всякаго рода услаждали вкусъ ихъ. —

Въ наружномъ садѣ, наполненномъ толпами веселаго и любопытнаго народа зажжены были увеселительные огни. Пруды покрыты судами, прекрасно иллюминованными. Голоса пѣсельниковъ и звуки гребецкихъ

(*) См. примѣч. 49.

роговъ разливали между деревьями какую-то сладостную задумчивость.

По данному отъ *Свѣтлѣйшаго* знаку вдругъ изчезъ театръ; а на мѣсто его, и еще въ нѣскольких комнатахъ, явились для шести сотъ особъ накрытые столы. Они разположены были такимъ образомъ, что глаза всѣхъ обращались къ лицу Государыни. Прочіе гости должны были ужинать стоя. Для сего разставлено было у стѣнъ множество столовъ. Сервизъ былъ золотой и серебряный. Кушанья и напитки, казалось, приготовлены были самою роскошью. Богато одѣтые слуги старались угадывать желанія присутствовавшихъ. *Потемкинъ* самъ служилъ Императрицѣ до

тѣхъ поръ, какъ Она просила его сѣсть.

Послѣ ужина балъ продолжался до утра; но Императрица со всею фамиліею уѣхала прежде. Впрочемъ никто не помнилъ, чтобы Она пробыла гдѣ-нибудь на балѣ такъ долго. Кажется, *Екатерина* боялась удаленіемъ своимъ нарушить блаженство Своего хозяина. Когда Она выходила уже изъ залы собранія; вдругъ съ хоровъ раздалось нѣжное пѣніе вмѣстѣ съ тихими звуками органовъ. Хоръ сочиненъ былъ въ честь Монархинѣ.

Екатерина была этимъ тронута. Она оборотилась къ *Свѣтлѣйшему*, который провожалъ Ее, желая изъявить ему свое удовольствіе и признательность. *Потемкинъ*, чувствуя

все, чѣмъ обязанъ былъ Государынѣ, бросился предъ Нею на колѣна, схватилъ Ея руку, оросилъ оную слезами. Онъ благодарилъ Августѣйшую виновницу своего величія и славы за Ея посѣщеніе, за всѣ Ея милости. — Предчувствованіе близкой смерти примѣтно встревожило духъ его.....

Такъ отдыхалъ *Потемкинъ* на берегѣ Невы. Между тѣмъ берега Дуная обагрялись кровію Христіянъ и Музульмановъ. Турки собрали послѣднія силы, и отважились еще на одну кампанію. Довѣренность къ талантамъ новаго Визиря Юсуфа-Паши и надежда на ходатайство и подкрѣпленіе со стороны союзниковъ, раждала въ нихъ бодрость. Султанъ противъ обыкновенія велѣлъ обнародовать въ

Константинополѣ нещастіе, постигшее Измаилъ; велѣлъ представить бывшее тамъ кровопролитіе и пораженіе Турковъ въ увеличенномъ, ужаснѣйшемъ видѣ, чтобы чрезъ то воспламенить въ своихъ подданныхъ ярость и мстительность противъ Русскихъ. Муфти, непримиримый врагъ новаго Верховнаго Визиря и другъ мира былъ сверженъ съ своего достоинства. Во всей Оттоманской Имперіи происходили наборы войскъ, дѣлались великія вооруженія. Греки и Армяне должны были участвовать въ новомъ походѣ. Алжиръ, Тунисъ и Триполь обѣщали Портѣ возможное пособіе. Селимъ велѣлъ Пашѣ Скутарскому, со всею силою, какую только онъ собрать можетъ, подвинуться къ Булгаріи,

чтобы не допустить Русскихъ занять Валахію, и чтобы прикрыть границы Сербіи. Одно отдѣленіе Турецкаго флота вышло въ Черное море.— Сіи страшныя приготовленія не страшили *Екатерины* и *Потемкина*.

Недолго покоились храбрые Русскіе воины послѣ великихъ, трудныхъ своихъ подвиговъ. Походъ открытъ въ концѣ Марта. Генерал-Поручикъ Князь Голицынъ, по плану *Свѣтлѣйшаго*, выступивъ съ войскомъ изъ Галаца, переправился на правой берегъ Дуная у Исакчи. Въ тоже почти время Генерал-Поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ перешелъ за Дунай съ другою частію войска изъ Измаила; а между тѣмъ Генералъ Майоръ Рибасъ своего флотиліею старался повсюду тревожить непрія-

теля. Чтобы скрыть подлинное намѣреніе похода, имѣвшаго въ виду Мачинъ, Кутузовъ пошелъ по дорогѣ, ведущей отъ Бабады къ Монастырищу, разсѣялъ (27 Март.) толпу непріятелей, собравшихся у сего послѣдняго мѣста, сжегъ самое селеніе, и потомъ соединился съ Княземъ Голицынымъ у Исакчи; откуда забраны были остальные бомбы и ядра, и отправлены къ флотиліи вверхъ по рѣкѣ на лѣвый берегъ Дуная.

Послѣ сего Князь Голицынъ, соединивъ обѣ части войска, Галацкую и Измаильскую, двинулся къ Мачину, пробрался щастливо сквозь трудные узкіе проходы; нѣсколько разъ прогонялъ выходившихъ ему навстрѣчу Турковъ, разбилъ непріятеля, стоявшаго у Мачина, и овладѣлъ

симъ городомъ, въ которомъ получено въ добычу множество военныхъ припасовъ и снарядовъ, и котораго укрѣпленія были тогда же срыты. Князь Голицынъ, пользуясь сею побѣдою, пошелъ съ войскомъ своимъ подъ самыя пушки города Браилова, на полуостровъ Концефанъ, гдѣ Турки сдѣлали два сильныя укрѣпленія. Русскіе, будучи подкрѣпляемы гребною флотиліею Генерала Рибаса, взяли оныя приступомъ (31 Марта), изрубили и отчасти потопили въ Дунаѣ большую часть находившагося тамъ Турецкаго гарнизона; получили въ добычу семнадцать орудій, нѣсколько знаменъ и судовъ, потомъ обратили непріятельскія пушки и флотилію свою противъ Браилова, и истребили подъ

стѣнами его множество Турецкихъ судовъ; наконецъ, срывъ завоеванныя укрѣпленія, и взявъ съ собою отнятую у Турковъ артиллерію, и болѣе ста осьмидесяти Христіанскихъ семействъ, возвратились къ Галацу.

Между тѣмъ союзники Турціи приняли на себя снова миротворную ролю, и рѣшились сдѣлать послѣднее покушеніе, дабы принудить *Екатерину* заключить съ Портою миръ на условіяхъ выгоднѣйшихъ. Чтобы придать болѣе вѣса своему ходатайству, Пруссія и Англія угрожали Россіи войною. Армія Фридриха Вильгельма приведена въ движеніе въ Пруссіи; Англійскій флотъ готовъ былъ по первому знаку плыть въ Балтійское море. Сія послѣдняя мѣра встрѣтила сильное сопро-

тивленіе въ Лондонскомъ Парламентѣ, и произвела великое негодованіе между Англійскими подданными, страшившимися разрыва мира съ Россіею, — разрыва, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ бы вредныя слѣдствія для Британской торговли. (*) *Екатерина*, по прежнему, не хотѣла слушать ни о какомъ посредничествѣ при заключеніи мира съ Турками. Она видѣла, что не имѣетъ нужды въ чужой помощи для примиренія съ Портою; видѣла также, что угрозы Англичанъ и Прусаковъ не будутъ имѣть важнаго слѣдствія, и что сіи посредники не осмѣлятся начать дѣйствительно войну противъ Россіи. Государыня велѣла отвѣчать

(*) См. примѣч. 50.

Берлинскому Кабинету, что блистательные походы Русскихъ войскъ даютъ ей право удержать за собою по крайней мѣрѣ часть своихъ завоеваній. Къ сему присовокупила Она, что, желая доказать свою умѣренность и миролюбіе предъ лицемъ свѣта, — послѣ всѣхъ славныхъ побѣдъ своихъ, послѣ всѣхъ выгодъ, полученныхъ надъ непріятелемъ требуетъ только, чтобы Днѣстръ былъ назначенъ границею между Россіею и Турціею. — Сіе послѣднее условіе, кажется, неизвѣстно было Князю *Потемкину*.

Отвѣтъ, данный Англіи, былъ почти такаго же содержанія; Голландіи совсѣмъ не отвѣчалъ Дворъ Петербургскій. Твердость Русской Императрицы обезоружила миротворителей. Этому

не мало способствовало стеченіе обстоятельствъ, особливо переворотъ Французскій и дѣятельное стараніе Датскаго Двора, желавшаго согласить непріятельскіе Кабинеты, ускорить заключеніе мира на Югѣ и сохранить тишину на Сѣверѣ. Англія и Пруссія *бросили* всѣ условія, которыя прежде предлагали онѣ Россіи. Сіи Державы изъявляли только при Петербургскомъ Дворѣ желаніе, чтобы *Екатерина* заключила съ Портою миръ на условіяхъ справедливыхъ, которыя могла бы принять Турція. Онѣ совѣтовали Дивану, умѣривъ свои требованія, помириться съ Императрицею; въ противномъ случаѣ отказывались отъ всякаго ходатайства въ пользу Турціи, и готовы были оставить ее

на произволЪ судьбы и войскЪ Князя *Потемкина*.

Такое объясненіе было ударомЪ для Селима, который вЪ воображеніи своемЪ дѣлалЪ великіе планы, и до тѣхЪ порЪ хотѣлЪ непремѣнно возвратить себѣ КрымЪ — это яблоко раздора между Россіею и Портою. Прежніе союзники Селимовы сдѣлались тише и умѣреннѣе на Конгрессѣ СчистовскомЪ, не хотѣли болѣе принуждать Австрію кЪ скорому миру сЪ Портою. Новый союзЪ сей Державы сЪ Польшею, обѣщавшею ТуркамЪ свою помощь противЪ ихЪ непріятелей — сей союзЪ сдѣлался скоро безполезнымЪ; ибо Польша находилась подЪ вліяніемЪ Прусскаго Кабинета, и притомЪ скоро замѣшалась во внутренныя безпокойства.

Вѣнскій Дворъ хотѣлъ употребить сіи обстоятельства въ свою пользу и поправить ошибку, сдѣланную въ Рейхенбахѣ. Австрійскіе Министры въ Счистовѣ перемѣнили прежній свой голосъ, объявили Портѣ новыя требованія со стороны своего Государя. Переговоры на Конгрессѣ тянулись медленно, были прерываемы, потомъ начинались снова, наконецъ уже $\frac{25}{4}$ Іюля Авус. заключенъ миръ между Австріею и Портою — миръ, который прекратилъ напослѣдокъ сію войну, изнурившую Австрію, который не много радовалъ Австрійскихъ подданныхъ, и который для историка-наблюдателя всегда будетъ служить доказательствомъ, что никогда не должно начи-

нать войны безъ необходимости (*).

И *Екатерина* желала скорѣе кончить войну съ Турками: другіе предметы привлекали на себя Ея вниманіе. Государыня понуждала Князя *Потемкина* отправиться въ Молдавію и тамъ въ виду всей арміи заключить миръ съ Турціею: *Свѣтлѣйшій* имѣлъ нѣкоторыя причины остаться долѣе въ Петербургѣ (*). Нескоро и неохотно оставлялъ онъ столицу. Самое прекращеніе войны не соображалось съ его намѣреніями.

Въ сіе время *Потемкинъ* обнаруживалъ въ себѣ удивительную кротость; какая-то нѣжная томность и задумчивость

(*) См. примѣч. 51.

(*) См. примѣч. 52.

изображались во всѣхъ его словахъ, во всѣхъ поступкахъ. Придворные не понимали его, друзья сожалѣли объ немъ, противники радовались. Трудно рѣшить, отъ чего произошла въ немъ такая неожиданная перемѣна, отъ предчувствованія ли близкой смерти, или отъ причинъ политическихъ. Какъ бы то ни было, снисходительность Князя *Потемкина* заставляла многихъ принимать въ немъ искреннее участіе. Трогательно было его прощаніе съ Императрицею, съ которою онъ разстался навсегда, и, получивъ отъ Нея неограниченное полномочіе, пустился въ Молдавію.

Прежде, нежели *Потемкинъ* прибылъ къ арміи, дѣла приняли тамъ новый оборотъ. Еще въ началѣ Іюня Генерал-Порут-

чикъ Голенищевъ-Кутузовъ, получивъ предписаніе отъ Князя Репнина (начальствовавшаго надъ войскомъ въ отсутствіе *Свѣтлѣйшаго*), переправился отъ Измаила за Дунай у Тульчи, и (4 Іюня) разбилъ корпусъ Турковъ и Татаръ, которые находились въ укрѣпленномъ лагерѣ у Бабады. Іюня 22 Генералъ Гудовичь, командовавшій Кубанскимъ и Кавказскимъ корпусами, взялъ приступомъ твердую крѣпость Анапу — послѣ жестокаго и отчаяннаго сопротивленія со стороны Турковъ, Татаръ и Черкесъ, оборонявшихъ сей городъ. Болѣе тринадцати тысячь жителей сихъ мѣстъ, по предначертанію Князя *Потемкина,* переведено послѣ въ Таврическую область. Вскорѣ, по завоеваніи Анапы, крѣпость

Суджукѣ-Кале, выжженная и брошенная Турками и Черкесами, занята отрядомѣ Русскихѣ, которые нашли тамѣ болѣе 20 пушекѣ. Около тогоже времени Князь Репнинѣ обезсмертилѣ свое имя и положилѣ твердое основаніе кѣ заключенію мира между Россіею и Портою. Сей Военачальникѣ, узнавѣ, что Визирь собираетѣ у Мачина лучшія свои войска, желая нанести сильный ударѣ Русскимѣ, перешелѣ черезѣ Дунай, и 28 Іюня (1791) разсѣялѣ при Мачинѣ осьмидесяти-тысячную непріятельскую армію, при которой находился самѣ Верховный Визирь Юсуфѣ-Паша. Это смирило гордость Юсуфову, разрушило планы Селимовы, охладило храбрость Музульмановѣ. Турки желали кончить войну,

Визирь сдѣлалъ Князю Репнину мирныя предложенія, и Репнинъ, имѣя отъ Императрицы полномочіе заключить миръ, чувствуя тягость войны и необходимость тишины для своего отечества, подписалъ въ Галацѣ 31 Іюля съ Турецкими уполномоченными предварительныя мирныя статьи, — по которымъ трактатъ, заключенный въ Кайнарджи и бывшіе послѣ него договоры и постановленія взаимно признаны въ полной ихъ силѣ; Днѣстръ назначенъ границею между обѣими Имперіями, а полоса земли, лежащая между сею рѣкою и Бугомъ, уступлена Россіи. Для точнѣйшаго опредѣленія каждой изъ сихъ статей порознь, такъ какъ и для рѣшенія другихъ пунктовъ мира, назначено нѣсколько мѣсяцовъ.

День подписанія предварительныхъ статей мира ознаменованъ побѣдою, одержанною Русскими надъ Турецкимъ флотомъ на Черномъ морѣ, — на томъ самомъ морѣ, на которомъ въ 1787 году начались непріятельскія дѣйствія между обѣими воюющими Державами. Адмиралъ Ушаковъ, вышедъ съ флотомъ своимъ изъ Севастополя, напалъ (31 Іюля) на Турецкій флотъ, который, подъ начальствомъ Капитан-Паши, стоялъ у мыса Калераг-Буріена при берегахъ Румелійскихъ. Послѣ кровопролитнаго упорнаго боя, Турецкіе корабли, разбитые, разсѣянные, пользуясь темнотою ночи, бѣжали къ Константинополю. — Это было послѣднее явленіе кровавой драмы, продолжавшейся четыре года на

водахъ и на берегахъ Чернаго моря. Въ то самое время, когда Ушаковъ, исправивъ свой флотъ, пустился къ Варнѣ, — получилъ онъ приказаніе кончить непріятельскія дѣйствія.

Потемкинъ спѣшилъ въ Молдавію съ величайшею скоростію. Кажется, онъ хотѣлъ предупредить заключеніе мира съ Турками, или по крайней мѣрѣ принудить Оттомановъ на условія выгоднѣйшія и болѣе славныя для Россіи и Полководца, который такъ удачно направлялъ удары въ сердце Порты, и который не выпускалъ изъ виду освобожденія Молдавіи изъ подъ-ига Турецкаго.

Еще на дорогѣ *Свѣтлѣйшій* Князь почувствовалъ великую слабость. Въ концѣ Іюля прибылъ онъ въ Яссы, гдѣ сказалъ

явно, что Турція должна непремѣнно дать свободу Молдавіи и Валахіи; что сего требуетъ слава Русскаго государства и успѣхи его оружія, и что сею только цѣною можетъ Порта купить у него миръ. Пробывъ нѣсколько дней въ Яссахъ, *Потемкинъ* отправился въ Галацъ. Тутъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ изъявилъ онъ Князю Репнину свое неудовольствіе противъ прелиминарныхъ статей; далъ ему новыя наставленія, сдѣлалъ нѣсколько нужныхъ распоряженій, и потомъ возвратился въ Яссы въ первыхъ числахъ Августа (*).

Князь Репнинъ, оставаясь въ Галацѣ, продолжалъ сношенія и переговоры съ Верховнымъ Ви-

(*) См. примѣч. 53.

зиремъ, находившимся въ Шумлѣ. *Потемкинъ* былъ душею сихъ переговоровъ. Окончательный миръ положено было заключить въ Гушѣ (небольшомъ городѣ, находящемся недалеко отъ Яссъ у рѣки Прута). Туда ожидали Турецкихъ Уполномоченныхъ; Рейс-Эффенди долженствовалъ быть ихъ главою. Съ Русской стороны для сего Конгресса назначены были Генералы Самойловъ и Рибасъ, Статскій Совѣтникъ Лашкаревъ и Совѣтникъ посольства Якубловъ. До того времени Репнинъ и Юсуфъ вели между собою частую переписку. Визирь скоро встрѣтилъ затрудненія, которыхъ не ожидалъ прежде. Предварительныя статьи и договоръ Кайнарджскій, взятый за основаніе новаго мира, прини-

маемы были съ Русской стороны въ весьма обширномъ смыслѣ. Кромѣ Очакова и области, лежащей между Бугомъ и Днѣстромъ, отъ Порты требовали, чтобы она срыла укрѣпленія города Хотина; чтобы обѣщала не возобновлять ихъ въ Бендерахъ и Акерманѣ; чтобы позволила Русскимъ военнымъ кораблямъ, по крайней мѣрѣ тридцати - шести - пушечнымъ фрегатамъ, свободный ходъ черезъ каналъ или проливъ Константинопольскій; чтобы признала покровительство и господство Россіи надъ Кавказскими народами, недавно покорившимися Русскому скипmру, также надъ Грузіею, Мингреліею и Имеретіею; далѣе чтобы согласилась: принять Русскихъ Консуловъ во всѣ Турецкіе торго-

вые города, уменьшить пошлину съ Русскихъ произведеній, запретить своимъ подданнымъ продавать у Кинбурга соль изъ соляныхъ варницъ; наконецъ, чтобы Турція впредь не перемѣняла въ Молдавіи и Валахіи Господарей по своей волѣ, но чтобы это зависѣло отъ Дивана природныхъ бояръ и отъ согласія Русскаго Консула.

Послѣднее требованіе было всѣхъ тягостнѣе для Порты. Оно нашло самое жаркое сопротивленіе со стороны Визиря. Еще въ трактатѣ Кайнарджскомъ Русскій Дворъ исходатайствовалъ обѣщаніе у Дивана, не лишать Господарей достоинства иначе, какъ только за важныя преступленія. Теперь дѣлала Россія шагъ, болѣе рѣшительный; — и могла ли Пор-

та не предвидѣть, что, согласившись на помянутое требованіе, она доставитъ Россіи сильное вліяніе на Молдавію и Валахію; даже нѣкоторый родъ верховной власти надъ ними? Могла ли она не предвидѣть, что съ сими Княжествами легко могло случиться тоже, что и съ Крымомъ?

Такимъ образомъ завязанъ новый узелъ дипломатическій. *Потемкинъ* чувствовалъ, что узелъ сей надобно было разсѣчь мечемъ. Онъ сдѣлалъ приготовленія, чтобы напасть на Турковъ; разослалъ нужныя повелѣнія къ сухопутнымъ войскамъ и флоту. Порта была въ критическомъ положеніи.

Въ сіе время злая эпидемическая лихорадка, свирѣпствовала въ Молдавіи и особливо въ

Яссахъ. И Князь *Потемкинъ* не спасся отъ нея. Онъ занемогъ сею болѣзнію. Лучшіе Медики, Тиманъ и Массотъ (*), при всемъ своемъ искусствѣ не въ состояніи были помочь *Свѣтлѣйшему*. Его своенравіе, привязанность къ хорошему столу и отвращеніе отъ строгихъ правилъ Діэтетики уничтожали дѣйствіе полезнѣйшихъ лекарствъ. Не уважая предписаній своихъ Эскулаповъ, *Потемкинъ* не оставлялъ вкусныхъ своихъ завтраковъ, своихъ роскошныхъ обѣдовъ. Это давало пищу его болѣзни.

Впрочемъ припадки лихорадочные не остановляли политической дѣятельности нашего Героя. Неутомимый духъ его

(*) См. примѣч. 54.

съ обыкновенною ревностію стремился къ достиженію своей цѣли. Можетъ быть никогда переписка *Свѣтлѣйшаго* не была такъ обширна, какъ въ это время; курьеры его летали во всѣ концы Европы чаще, нежели когда либо. Знатнѣйшіе Польскіе Вельможи, недовольные новыми перемѣнами, введенными въ ихъ отечествѣ, собрались въ Яссы; Молдавскіе Бояре прибѣгли къ *Свѣтлѣйшему*, прося у него защиты и покровительства противъ Турковъ. По всему вѣроятію, намѣренія Князя *Потемкина* приближались къ зрѣлости. Но кто могъ проникнуть таинственную завѣсу, скрывавшую виды и предпріятіи сего чрезвычайнаго человѣка? Можно однакожь предполагать съ достовѣрностію, что планы его были

образцовымъ произведеніемъ глубокой, хитрой политики.

Порта страшилась *Потемкина*, и начала мирные переговоры снова. Въ Сентябрѣ Турецкіе полномочные прибыли въ Яссы. Положено открыть сношенія въ началѣ Октября. Случай прискорбный уничтожилъ сіе намѣреніе. Князь *Потемкинъ* со дня на день становился дряхлѣе; сильная тоска предвѣщала близкую его кончину; кажется, онъ самъ чувствовалъ это, и рѣшился удалиться изъ Молдавіи въ Очаковскую область, надѣясь возстановить тамъ свое здоровье. „По крайней мѣрѣ я хочу умереть въ своемъ Николаевѣ!" сказалъ *Свѣтлѣйшій*, и 5 Октября отправился въ путь. Проѣхавъ тридцать семь верстъ отъ Яссъ, онъ по-

чувствовалъ въ себѣ мучительное безпокойство и терзаніе. Смертный холодъ разливался въ его жилахъ. Послѣдній часъ *Потемкина* приближился. Онъ велѣлъ остановиться; вышелъ изъ кареты; легъ на разостланномъ у дороги плащѣ — и тутъ, подъ открытымъ небомъ, въ кругу горестныхъ спутниковъ, испустилъ духъ въ объятіяхъ любимой своей племянницы, Графини Браницкой, на пятьдесятъ второмъ годѣ своей жизни.

Такъ скончался одинъ изъ достопамятнѣйшихъ Мужей на свѣтѣ. Судьба хотѣла, чтобы дни Князя *Потемкина* пресѣклись въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя были театромъ его славы и величія. *Екатерина*, получивъ о семъ извѣстіе, пролила слезы; Селимъ и Стани-

славѣ Августѣ радовались; друзья покойнаго были безъутѣшны; войско рыдало о потерѣ обожаемаго Полководца.

Тѣло *Потемкина* отвезено обратно въ Яссы, гдѣ совершенъ надъ нимъ великолѣпный обрядъ погребенія (13 Окт.) (*); потомъ оно отправлено въ Херсонъ, и тамъ погребено въ соборной церкви. Императрица велѣла воздвигнуть въ семъ мѣстѣ пышный мавзолей въ честь *Таврическому* Князю (**).

Разсмотрѣвъ всю жизнь, всѣ дѣла Князя *Потемкина*, не льзя не согласиться, что это былъ одинъ изъ самыхъ *чрезвычайныхъ* Мужей, о которыхъ говорятъ

(*) См. Книж. III. прибавл. I.

(**) См. примѣч. 55.

вамъ лѣтописи. Случай благопріятный способствовалъ ему возвыситься на степень величія; но кто не согласится, что на сей степени удержался онъ собственнымъ умомъ своимъ, дѣятельнымъ и хитрымъ? Впрочемъ сужденія о *Потемкинѣ* столь разнообразны, столь противорѣчущи одно другому, что Историкъ современный, принимая въ разсужденіе тысячу разныхъ отношеній, боясь сдѣлаться эхомъ лести, или злословія, предоставляетъ временамъ будущимъ рѣшить приговоръ объ истинномъ достоинствѣ сего человѣка. Предъ лицемъ потомства предстанетъ нѣкогда *Свѣтлѣйшій* Наперсникъ *Екатерины II.* — и потомство взвѣситъ дѣла его, разберетъ побудительныя причины ихъ, не при-

пишетъ ему того, что исполнялъ онъ единственно въ угодность воли другихъ. Тогда откроется точная картина характера и дѣлъ Князя *Потемкина*; тогда Муза Исторіи напишетъ имя его на *своемъ* мѣстѣ.

Между тѣмъ соберемъ хотя нѣкоторыя черты, могущія характеризовать нашего Героя.

Потемкинъ имѣлъ прекрасную, мужественную наружность и крѣпкое сложеніе тѣла. Въ молодости повредилъ онъ себѣ одинъ глазъ, желая въ нетерпѣливости проколоть сдѣлавшійся около него нарывъ, или вывести пятно, на немъ бывшее. Сія косость не уменьшала однакожь красоты лица Князя *Потемкина*. Онъ говорилъ нѣсколько въ носъ; но это, казалось,

придавало болѣе величественности его голосу.

Потемкинъ получилъ отъ Природы щастливыя способности; но въ молодыхъ лѣтахъ мало пользовался ими, мало образовалъ себя. За то въ послѣдствіи старался онъ наградить свою ошибку, читалъ много, или заставлялъ другихъ читать при себѣ; старался разговаривать съ учеными и художниками о разныхъ предметахъ. Какой нибудь искусникъ, какой нибудь Жидовскій Раввинъ, славный своимъ умомъ и знаніями, являясь передъ *Свѣтлѣйшаго*, должны были открывать ему тайны своихъ искусствъ или учености. — Отъ сего-то происходили толь обширныя, хотя впрочемъ поверхностныя свѣденія Князя *Потемкина*, которыя

изумляли Мужей ученнѣйшихъ. Его успѣхи въ политикѣ, особливо въ знаніи всѣхъ Европейскихъ кабинетовъ, были чрезвычайны. Должно-ли удивляться этому? Онъ учился при Петербургскомъ Дворѣ, подъ руководствомъ *Екатерины II!!*

Всего разительнѣе былъ чудная смѣсь характера Князя *Потемкина* и непонятныя странности въ образѣ его жизни. Добродѣтели и пороки, кажется, дружились въ сердцѣ сего мужа. Онъ былъ и другъ человѣчества, и деспотъ надменнѣйшій. Непостоянство его страстей и перемѣнчивость желаній были необъяснимы. Иногда готовъ онъ былъ расточить всѣ свои сокровища, чтобы только изгладить мрачную мину на чьемъ

либо лицъ; въ другое время вздохи и слезы нещастныхъ не трогали его. Иногда какое нибудь неважное обстоятельство приводило его въ восхищеніе, и черезъ нѣсколько минутъ дѣлался онъ пасмурнымъ, погружался въ задумчивость и тоску. Часто курьеры его летѣли въ отдаленнѣйшія мѣста, чтобы удовлетворить его желанія, чтобы доставить ему какое нибудь блюдо для стола, или представить предъ него какого нибудь человѣка, котораго хотѣлъ онъ видѣть, — и не рѣдко, прежде, нежели блюдо или желаемая особа являлась, *Свѣтлѣйшій* терялъ охоту видѣть ихъ. Назвать ли это слѣдствіемъ пресыщенія удовольствіями и щастіемъ? Но мы видѣли, что и въ молодыхъ лѣтахъ *Потемкинъ* пока-

зывалъ уже въ себѣ много стран-
ностей.

Честолюбіе, пышность и роскошь были идолами Князя *Потемкина*. Онъ былъ ревностнѣйшимъ ихъ поклонникомъ. *Екатерина*, зная это, осыпала его почестями, титлами, отличіями и богатствами. Уваженіе къ нему иностранныхъ Дворовъ (искреннее или притворное?) льстило его гордости. Малѣйшая тѣнь непочтительности раздражала его. Онъ любилъ повелѣвать, и не принималъ ни отъ кого совѣтовъ; обходился высокомѣрно съ чиновниками знатными; и былъ снисходителенъ, даже *слишкомъ* ласковъ къ подчиненнымъ низшихъ чиновъ, особливо къ солдатамъ. — За то сіи вѣрные, усердные воины,

всею душею преданные Князю *Потемкину*, не щадили себя для славы любимаго Полководца; проходили дикія степи, боролись съ голодомъ, стужею; преодолѣвали всѣ трудности, всѣ опасности войны, и сплетали для *Потемкина* вѣнцы лавровые.

Домъ *Свѣтлѣйшаго* всегда отличался невѣроятнымъ блескомъ и пышностію. Не всякій Дворъ блистаетъ такимъ богатствомъ и великолѣпіемъ. Не всякій владѣтельный Государь даетъ такіе праздники и торжества, какіе давалъ *Потемкинъ*. Вообще онъ старался и умѣлъ поддержать величіе своего сана, внушая къ особѣ своей какое-то благоговѣніе.

Пышности и великолѣпію дома Князя *Потемкина* не мало

способствовалъ его роскошный столъ, на который Щедрость сыпала свои дары изъ рога изобилія. *Свѣтлѣйшій* не былъ строгимъ наблюдателемъ умѣренности въ пищѣ; пилъ однакожъ не много.

Потемкинъ былъ Покровителемъ Наукъ и Художествъ. По его приказанію выданы многія книги, остававшіяся въ рукописяхъ, и почему нибудь любопытныя. Еще болѣе чести дѣлаетъ *Свѣтлѣйшему* его любовь къ благотвореніямъ. Сколько признательныхъ сердецъ, облагодѣтельствованныхъ имъ, проливали слезы о потерѣ своего Защитника, Покровителя, Отца?

Пойдемъ въ край Новороссійскій и въ Область Таврическую!! — Тамъ все твердитъ о *Потемкинѣ;* тамъ все напоми-

наетъ о его усердіи къ *Екатеринѣ*, о щастливыхъ слѣдствіяхъ его плановъ. Россія должна быть признательна къ достоинствамъ сего Мужа. Покореніе Крыма, сооруженіе Черноморскаго флота, преобразованіе дикихъ степей въ страну благословенную — суть незабвенные памятники заслугъ и славы Князя *Потемкина*.

*

Сіи слабыя черты пусть служатъ приготовленіемъ къ тому славному изображенію *Свѣтлѣйшаго* Князя, которое оставилъ намъ Сегюръ (*), и которое по большой части вѣрно.

(*) бывшій Французскій Посланникъ при Петербургскомъ Дворѣ въ царствованіе Екатерины II. Онъ былъ при Императрицѣ во время Ея путешествія въ Южныя области Россіи.

„Князь Григорій Александровичь Потемкинъ“ — говоритъ Сегюръ — „былъ изъ числа необыкновеннѣйшихъ людей своего вѣка. Но ему надлежало родиться въ Россіи и жить въ царствованіе *Екатерины II*, чтобы играть ролю толь блистательную. Во всякой другой землѣ, во всякое другое время, при всякомъ другомъ Государѣ онъ не могъ бы столько возвыситься (?). Странный случай сотворилъ сего человѣка въ эпоху, для него самую приличную; сблизилъ и соединилъ всѣ обстоятельсива, въ которыхъ могъ *Потемкинъ* обнаружить свои дарованія.

Въ особѣ своей соединилъ онъ всѣ недостатки и всѣ, совершенно противныя имъ свойства; — былъ скупъ и расто-

чителенъ; любилъ властолюбіе и простое обращеніе; съ жестокостію соединялъ благотворительность, съ гордостію ласковость, откровенность съ хитростію; суевѣріе съ распутствомъ (?), робость съ отважностію, нескромность съ честолюбіемъ; былъ расточителенъ съ родственниками своими и любимцами, но часто не платилъ за издержки, нужныя для его дома, и долговъ своимъ заимодавцамъ. Его случайность не рѣдко зависѣла отъ женщины; но онъ никогда не былъ ей постоянно-вѣренъ. Ничто не могло равняться съ дѣятельностію его воображенія и съ его тѣлесною лѣностію. Никакая опасность не могла устрашить его мужества; никакія препятства не могли прину-

дить его отказаться отъ своихъ намѣреній: но самый успѣхъ раждалъ въ немъ отвращеніе отъ предпріятія.

Онъ обременялъ Государство множествомъ должностей и обширностію своей власти; но тягость собственнаго бытія была ему несносна. Онъ завидовалъ дѣламъ другихъ, и скучалъ своими; не умѣлъ наслаждаться ни спокойствіемъ, ни своими занятіями. Въ его дѣлахъ, удовольствіяхъ, нравѣ, походкѣ — во всемъ было примѣтно какое-то разстройство; во всѣхъ обществахъ казался онъ неловкимъ, и его присутствіе всѣхъ тяготило; гордо поступалъ онъ съ тѣми, которые его боялись, ласково съ тѣми, которые смѣло къ нему подходили.

Потемкинъ всегда обѣщалъ, но не всегда сдерживалъ слово, и никогда ничего не забывалъ. Никто не читалъ меньше его (*); не многіе могли равняться съ нимъ въ знаніяхъ. Онъ разсуждалъ съ искуснѣйшими людьми во всѣхъ Искуствахъ и Наукахъ. Никто не умѣлъ лучше его блистать и присвоивать себѣ знанія другихъ. Въ разговорахъ онъ изумилъ бы Литтератора, Артиста, Богослова. Знанія его были поверхностны, но весьма обширны. Онъ ничего не изслѣдывалъ подробно, но хорошо судилъ обо всемъ.

Непонятная перемѣнчивость нрава раждала непонятныя странности въ его желаніяхъ, поведеніи и образѣ жизни. Иногда приходило ему на мысль

сдѣлаться Герцогомъ Курляндскимъ; иногда мечталъ онъ, какъ бы возложить на себя корону Польскую. Часто обнаруживалъ желаніе сдѣлаться Епископомъ, и даже простымъ монахомъ; строилъ великолѣпные Дворцы, и продавалъ, не кончивъ ихъ. Сего дня думалъ только о войнѣ, и былъ окруженъ Офицерами, Казаками и Татарами. На другой день мечталъ только о Политикѣ, хотѣлъ дѣлить Оттоманскую Имперію, привести въ волненіе всѣ Кабинеты Европейскіе. Въ иное время, занимаясь единственно Дворомъ — въ блестящей одеждѣ, покрытый Орденами всѣхъ Державъ, сіяя алмазами величины необыкновенной — давалъ безъ всякой причины великолѣпныя пиршества.

Иногда весь мѣсяцъ проводилъ въ столицѣ цѣлые вечера въ какомъ нибудь домѣ, забывая, по видимому, всѣ дѣла. Иногда нѣсколько недѣль сряду, оставаясь дома со своими родными и близкими къ себѣ людьми, лежалъ на софѣ, въ одномъ шлафрокѣ съ босыми ногами, съ разстегнутой шеей, съ нахмуреннымъ челомъ, съ наморщенными бровями, не говоря ни слова игралъ въ шахматы или карты и представлялъ въ себѣ посѣщавшимъ его иностранцамъ грубаго, неопрятнаго Казака.

Всѣ сіи странности были многимъ непріятны; но для многихъ дѣлали *Потемкина* еще любезнѣе. Въ молодости своей онъ нравился жаромъ

своей страсти, отважностїю и мужественною красотою. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ умѣлъ также поддерживать любовь къ себѣ.

На девятнадцатомъ годѣ, служа въ нижнемъ Офицерскомъ чинѣ въ конной Гвардіи, *Потемкинъ* уговорилъ солдатъ своихъ вооружиться въ день переворота (1762), и поднесъ *Екатеринѣ* темлякъ свой для ея шпаги. — Онъ сдѣлалъ то, что можетъ внушить только самая романическая страсть, прокололъ себѣ глазъ, чтобы вывесть пятно, уменьшавшее красоту его.

Удаленный отъ Двора, онъ бросился искать смерти въ сраженіяхъ, и встрѣтилъ славу, — отказался отъ обманчи-

вой роли, которой развязка представляла ему вдали неблаговоленіе и неизвѣстность — и сдѣлался повѣреннымъ *Екатерининымъ*, Ея Генераломъ и Министромъ.

Панинъ былъ главою совѣта и держалъ сторону Пруссіи; *Потемкинъ* увѣрилъ *Екатерину*, что дружба съ Императоромъ Римскимъ будетъ Ей полезнѣе для исполненія плановъ противъ Турціи. Онъ соединилъ Императрицу съ Іосифомъ II. и чрезъ то самое получилъ способъ къ завоеванію Крыма и земель Нагайскихъ Татаръ, отъ него зависѣвшихъ. Возвративъ странамъ симъ звучныя древнія имена ихъ, устроя морскую силу въ Херсонѣ и Севастополѣ, онъ склонилъ *Екатерину*, прибыть

туда, удивляться новому театру славы своей. Ничего не щадили, чтобы сдѣлать сіе путешествіе вѣчно-незабвеннымъ. Со всѣхъ сторонъ Имперіи были доставляемы деньги, съѣстные припасы и лошади. Большія дороги освѣщены разноцвѣтными огнями; Днѣпръ покрытъ великолѣпными галерами; полтораста тысячь воиновъ вновь вооружены и одѣты; собраны были Казаки и обучены Татары; вездѣ посторoены Дворцы; безплодныя поля Крымскія застроены деревнями и украшены фейерверками; хребты горъ освѣщены; прекрасныя дороги открыты для армій; дикіе лѣса превращены въ Англійскіе сады. Король Польскій спѣшилъ поклониться Той, Которая возвела его на престолъ,

и послѣ свергла съ онаго. Императоръ Іосифъ II сопутствовалъ въ семъ торжественномъ шествіи *Екатеринѣ*. Слѣдствіемъ сего блистательнаго путешествія была новая война, которую Англичане и Прусаки неблагоразумно побудили начать Турковъ, и которая служила пищею для честолюбія Князя *Потемкина*, доставя ему случай покорить Очаковъ, оставшійся за Россіею, и получить орденъ святаго Георгія первой степени, единственной знакъ отличія, котораго недоставало его тщеславію. Но сіи послѣдніе тріумфы были предѣломъ его жизни. Онъ умеръ скоропостижно въ Молдавіи — и его смерть, оплакиваемая малымъ числомъ друзей, занимала един-

ственно его соперниковъ, и и вскорѣ была забыта.

Подобно симъ мгновенно исчезающимъ блистательнымъ явленіямъ, коихъ яркій блескъ ослѣпляетъ, но не имѣетъ никакой прочности, подобно симъ явленіямъ *Потемкинъ* все начиналъ, но ничего не кончилъ. Онъ обогатилъ свое отечество новыми степями. Слава Императрицы возрасла отъ его завоеваній. Ей удивлялись, и ненавидѣли Ея Министра. Можетъ быть справедливѣйшее потомство раздѣлитъ между ними славу побѣдъ и строгость упрековъ. Оно не почтитъ *Потемкина* именемъ великаго, но назоветъ его необыкновеннымъ; и если кто захочетъ въ точности изобразить его; тотъ

можетъ представить его истинною эмблеммою, живымъ портретомъ Русской Имперіи.

Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ также колосаленъ, какъ Россія. Подобно ей, соединялъ въ умѣ своемъ обработанность и необработанность. Въ немъ было много Азіятскаго, Европейскаго, Татарскаго и Казачьяго; грубость перваго-надесять вѣка и испорченность осьмаго-надесять; поверхность знаній и невѣжество монастырское, наружное образованіе и множество слѣдовъ варварства.

Сіе изображеніе можетъ показаться слишкомъ увеличеннымъ; но тѣ, кои знали *Потемкина*, могутъ поручиться въ подлинности онаго. Сей человѣкъ имѣлъ много недостатковъ; но безъ нихъ можетъ быть

не могъ бы онъ властвовать. Случай сотворилъ его такимъ, какимъ ему надлежало быть, чтобы столь долгое время сохранить свое могущество (*).

Конецъ второй книжки.

(*) См. примѣч. 56. и прибавл. II.